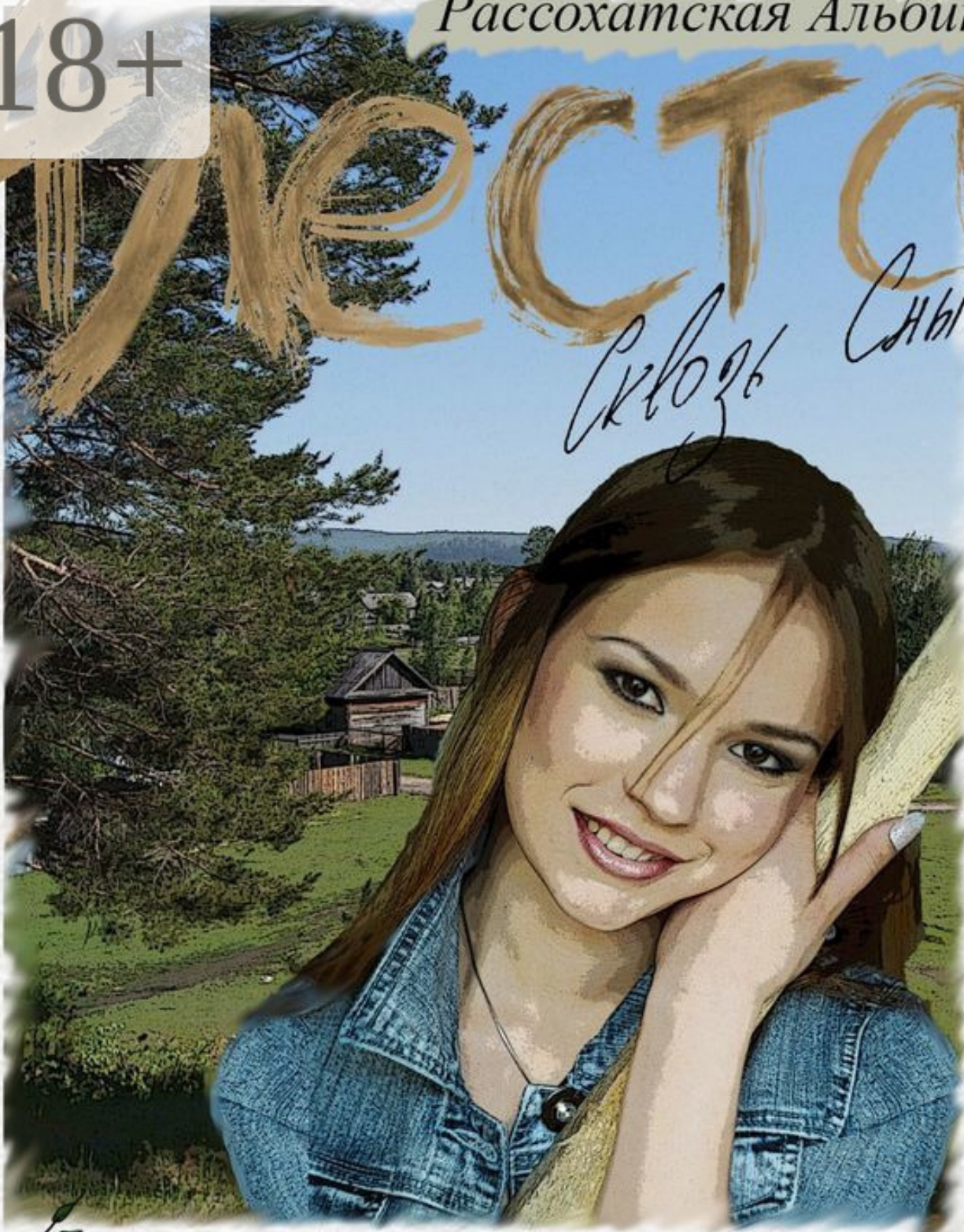

18+

Рассохатская Альбина

Сквозь Сны

Рождество
Хамелеона

Альбина Рассохатская

**Алеста. Сквозь сны.
Рождение хамелеона**

«Издательские решения»

Рассохатская А.

Алеста. Сквозь сны. Рождение хамелеона / А. Рассохатская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985054-6

Когда ты рождаешься не совсем обычным человеком, потусторонний мир знает о тебе. И как бы ты ни скрывалась, всё равно затягивает в свою паутину. Эта книга начало, начало моей жизни, моё рождение, взросление, знакомство с силой, которая была мне дана. События обычной повседневной жизни перемешиваются в ней со сказочными персонажами и невероятными путешествиями. А космос? Вы знаете, что там, за пределами нашей галактики? А вдруг гости из тех миров уже среди нас? Я Алеста, и я буду рада знакомству.

ISBN 978-5-44-985054-6

© Рассохатская А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Детство	6
Глава 2. Знакомство с силой	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алеста. Сквозь сны Рождение хамелеона Альбина Рассохатская

© Альбина Рассохатская, 2020

ISBN 978-5-4498-5054-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Детство

Приятно познакомиться, я Алеста, вот такая необычная интерпретация Александры, моя мама считает, что у девочки должно быть красивое и необычное имя, оно влияет на судьбу. Быть может. Я не жалуясь. Для чего вы здесь? Наверно, пришли узнать мою историю. Начнем? С самого начала.

Я эмпат, не совсем в привычном понимании этого слова, я сначала вижу эмоции людей, а уже потом чувствую состояние, такой меня сделала природа, пришлось учиться с этим жить, и я быстро поняла, что если пытаться почувствовать всех, кто тебя окружает, то перестаёшь понимать, где же во всём этом ты. Родилась я в удивительной стране, где всё ещё остались места, куда редко заходит человек. Рядом с одним из таких мест я проводила каждое лето. Но об этом позже. А пока вот она, я, маленький комочек 3850, появившийся и зарегистрированный в роддоме. Ангарска Иркутской области.

– Какая красавица! Она у вас меченая, – улыбаясь произнесла приятная блондинка. – С таким пятном на лбу не перепутаешь!

– Что это? Это серьезно? – спросила она, самая красивая на свете женщина. Конечно, я её узнала, я так долго слышала этот голос.

– Ничего страшного. Само пройдет, – успокоила её акушерка.

Дальше ничего особенного: палата, улица, дом, куча родственников. Я улыбалась, я не могла сдержаться, они все сияли, и я сияла в ответ. Мама покормила меня и уложила в кроватку, она явно устала, я не стала её будить, ну не поем разок. Вокруг так интересно, кто вы, тени? Я вас слышу! Прекратите меня игнорировать! Вот так. Вы светлые. Вы мне нравитесь. Вы понимаете, о чем я говорю? Здорово! А мама не понимает. Что это? Мам, что с тобой? На тебе лица нет. Я не знаю, что такое 12 часов, но поесть не отказалась бы.

Я смеюсь. Бабушка кричит из соседней комнаты: «Не щекочите ребенка!» Они не щекочут меня, бабуль, мне просто хорошо здесь. Просто безумно интересно и весело!

Вот я ползу, потом встаю и бегу за братом, падаю. Мама в восторге, я не очень, пробую ещё, вот теперь лучше. Мама, мне кажется, ты двоишься, я ощущаю в тебе ещё кого-то. У меня будет сестренка!

– Что-то мне плохо, не понимаю, что случилось, – говорит мама.

Я понимаю, мам, но не могу ничего сделать. Потерпи. Она догадалась. Мам, ты светишься, несмотря на усталость. Прости, ничего не могу с собой поделать, мне срочно нужна та штукавина на стене!

Я уже передвигаюсь по дому, это интересно. Вот какие-то ступеньки, они ведут к полочкам. Отстань, искра! Нет, я полезу. Ну там же так интересно! Вот полочка, а если схватить руками следующую, то по ней тоже можно карабкаться. Сколько бутылочек! Мама бежит где-то снизу, я притихла, чтоб не нашла. Но нет! Она меня снимает! Не хочу! Ну что ты так нервничаешь, мам? Я крепко держалась. Мама разобрала ступеньки. Печально. Искра говорит, что это были не ступеньки, а книги, не разложенные по полкам, но мне всё равно печально.

– М-м-ма... м-м-ма, – выдавливаю я наконец. О! Ну хоть что-то, я уже думала, до конца жизни жестами общаться буду!

Мам, ты рада? Я тоже! Завтра попробую что-нибудь ещё, а пока:

– М-м-м-ма... м-м-м-а-а-а, м-м-м-а-а-а, мама.

Во-о-от, это уже другое дело. Мам, прекращай, ты меня сейчас в своей радости утопишь! Понятно, что пора, я и так стараюсь.

Я расту, уже неплохо говорю, мне так кажется. М-м-м, какое утро, сейчас ещё немного полежу. Нет, не могу, надо бежать!

– Мама, папа?

Несусь в комнату родителей. Не поняла... Ты, пап, почему один?

– Мама?

– Что, доча?

Вот не раздражай меня, папуль, ты всё прекрасно понял.

– А где... а где мама?

– Мама уехала в роддом, скоро у тебя появится сестричка!

Вот уж не знаю, надо ли мне оно. Нет, я, конечно, к ней привыкла уже, но не-е-ет, а я? Это теперь у мамы кроме меня и Димы ещё кто-то будет? А если она займет мою кровать?!

– Не хочу-у-у!

– Алечка, зая, мы тебя очень любим, а теперь у тебя будет ещё и сестричка. Ты будешь с ней играть.

Ладно, уговорил, пойдем кубики складывать. Вчера я отстроила целую крепость.

– Играть! Туда!

– Во что играть будем? – улыбаясь спрашивает папа.

– Убики.

– Ну пойдем.

Это был чудный день, с папой всегда интереснее, он не тратит время на какие-то там уборки. Потом ночь. На утро мы пошли к этому роддому, мама выглядывала в окно, только я ничего не увидела. Нет, я попыталась посмотреть куда папа показывает, но почему-то кувыркнулась за лавку. Я бы ещё попробовала, но папа сильно переживал и не дал мне второй попытки. Прошло ещё несколько дней, и мама вернулась, мы вместе забирали её. Тоже была куча народу, все радовались, только не мне. Как я буду с ней играть? Она только орёт. Мама улыбалась, но была какой-то тусклой. Так устала... Дома папа забрал у неё сестру и сам пошел её пеленать, а мама уснула. Да... Теперь им не до меня... Пойду поищу клад в тумбочке. О, искорка! Где пропадала? Что значит «всегда была здесь»? Я тебя не видела! Много болтаю? Ну, знаете ли. А можно и тебя видеть, и болтать одновременно? Нет, как жаль... Ну ладно, пойдем играть, а то тут все заняты. Мама говорит, что ты, наверное, мой ангел-хранитель. Почти права? Ладно, я всё равно так и не поняла, кто это такой. А почему я тебя сейчас вижу, а Димину искру не вижу? Куда ушла, ты же сказала, что всегда здесь? Ну ты, она, какая разница? В шесть-семь? И ты от меня уйдешь? Я не хочу. Не насовсем? А как ты поймешь, что ты мне нужна? Ой, как всё сложно. Давай, держи штурвал, мы поплыли за сокровищами!

Сестру называли Лена, мама была против, она хотела назвать её Алиной, например. Но бабушка с папой сговорились и пошли зарегистрировали её как Лену, вот так, мама злилась, но менять ничего не пошла. А по-моему, хорошее имя. Шло время. Лена подросла, мы наконец играем вместе. Она светится как-то иначе, я не очень понимаю почему. Нет, ну я, конечно, тоже, но она не похожа ни на меня, ни на других. Она пока ничего не понимает и лезет куда попало, мама говорит, что это пройдет с возрастом и что я тоже такой была. Лена просит у меня всё, и когда я не делюсь с ней яблоком, своё она быстро съедает, она не требует, она правда расстраивается, и мне становится её жаль. Я вижу, как она потеряна, я же всегда ей даю кусочек, а теперь отказала. Мне хочется рычать, лучше бы она орала и пыталась забрать у меня всё это! Я не могу это выдержать, отрезаю половину от того, что у меня осталось, и отдаю ей. В детском саду мне нравится, воспитательницы постоянно нас чем-то занимают. Я люблю лепить, а больше всего люблю мозаику, там нет половины деталей, а часть погрызана, но мне всё равно нравится составлять из неё картинки.

Когда у родителей бывают свободные дни, а также во время каникул, мы ездим к бабе Лене. У папиной мамы, а моей бабушки, было всё: корова, в некоторые годы свиньи, кролики, собака, кошки и маленький огород, который почему-то из года в год зарастал укропом. И в этот раз мы приехали на выходные, и Ленка потащила меня играть в куклы на улицу, там к нам подошли две девочки.

- Привет, я Таня, – сказала одна из них, – это Оля, моя сестра. Можно с вами?
- Привет, – дружно поздоровались мы.
- Я Лена, а это Алеста, мы тоже сёстры. Можно, там в коробке ещё есть куклы.

И мы вместе долго строили домики, гаражи и дороги, а вернувшись домой, прибежали в зал к папе с мамой.

- Мы с девочками познакомились! – радостно заявила Лена.
- Да? Здорово! – поддержал нас папа. – И как их зовут?
- Таня и Оля, – отрапортовала Лена.
- Родители заулыбались.
- Что вы смеётесь? – заинтересованно протянула Лена. Мне тоже было интересно.
- Да так, – отмахнулся папа.
- Ну пап! – повисли мы не нём вдвоём с Ленкой.

– Ладно, – сдался он и поднял руки, – мы просто уже пытались Лену с Таней познакомить, мы ещё маленькие были. Так, Лен, ты ей в волосы вцепилась, еле растащили, так и закончилась ваша дружба, – рассмеялся папа, мы тоже захихикали.

Но этот раз оказался удачным, потому что дальше мы и общались в основном с Таней и Олей. Вместе строили мосты через лужи, которых весной и осенью было в избытке. Зимой мастерили юрты на поле рядом, кирпичи из снега лепить не приходилось, можно было просто вырезать их из наста, лепили снеговиков, в целом занимались всем, чем обычно занимаются дети.

В том году, когда я была уже в подготовительной группе, мы переехали в отдельную квартиру, родители выделили отдельную комнату брату, и у нас с Леной появилась своя. Потом какой-то экзамен, на какую-то там программу, меня взяли. Сказали, я им очень подхожу. Учительница мне не понравилась, а ещё искра куда-то совсем пропала.

- Мам, она старая! – возмущалась я.
- Ну она же учительница, у неё много опыта.
- Много, не много, но она старая! Она от всего устает. Ей с нами неинтересно. И мне с ней.
- Не говори глупости!

Эх. Ладно, будем учиться, наверное... Ну не хочу я ничего делать, ну неинтересно мне... Она опять ругает меня. Предложила маме сдать меня в класс коррекции, потому что я как-то не так пишу – зеркально, говорит. Ну она правда не знает, что делать, да и разбираться не хочет. Мама раздражена, говорит: «Вы же левшей переучиваете, и она переучится». Кажется, разбежаться не удалось, Оксана Павловна... Кроме того, у нас в классе есть противный мальчишка, маленький и противный, и папа у него такой. Он меня задирает. Ему хочется казаться сильнее. Мне неприятно, я говорила маме, она предлагала отвечать, но я не знаю, что ему сказать... Точнее знаю, только тогда ему будет очень больно, я не могу так... Хорошо, что скоро лето, мама говорила про дачу, я только поняла, что мы едем с бабой Валею и сестрой, Димка сказал, поедет к бабе Лене. Ну и ладно, без него справимся.

Ночью мне приснился странный сон. Я бегала по дому с мамой и сестрой, а потом куда-то провалилась. И вот я смотрю на огромного чёрного паука, страшного, он был невероятно реален. Я жутко испугалась, открыла глаза, почувствовала руками свою кровать, но паук и его паутина не исчезли, мне стало не по себе, я всматривалась в тот угол, где находилось это чудовище. Он постепенно растворился, а я вздохнула, сковавший меня страх ушёл.

- Ты что? – спросила сестра, она, видимо, тоже проснулась и смотрела на меня. Я не знала, что сказать.
- Кошмар приснился, показалось.
- Ты лунатик, что ли? Что ты там высматривала?
- Спи, говорю же, показалось.

Я снова уснула, остаток ночи провела спокойно. Кроме того что мне начали сниться кошмары, ничего не поменялось. Я ходила в школу, которая мне не слишком нравилась, в вечернее время и в выходные мы всем двором носились друг за другом, играя в «казаков-разбойников» или лапту. Меня выбирали в команду где-то посередине, бить я не умела, зато быстро бегала. Помню, как мама купила мне красивое платье, была я тогда ещё классе в первом, розовое, к нему капроновые колготки и туфли на каблучке. Я в этом наряде ушла гулять и благополучно порвала колготки и уделала платье, когда пошла играть в лапту. Сходить переодеться мне было лень. Ко всему прочему на коленках остались порядочные такие ссадины. Мама не ругала, просто сказала, что платья не купит и чтоб я топала гулять в штанах и кроссовках. Потом мы стали чуть больше времени проводить дома, по крайней мере я, потому что у нас появилась игровая приставка. Мама не всегда давала нам поиграть, потому что приставка подключалась к телевизору, и я играла, пока её нет дома. Иногда мы с сестрой играли вместе, в команде мне играть с ней нравилось, хоть и приходилось делиться жизнями.

К кошмарам со страшилищами добавились падения, я падала отовсюду: с домов, детского стульчика, который в моём сне вырос до небес, с деревьев – и летела до невозможности долго. Проблема состояла в том, что помимо сковавшего страха во сне, я просыпалась на полу.

– Вот ты у нас странная, – ворчала сестра, – тебе уже бортик сделали, а ты всё равно на полу.

Наверное, стоило рассказать об этом всё маме, но я уже тогда предпочитала справляться со всем самостоятельно. Осенью к нам в город приехал дядя Паша, ему нужно было учиться в городе, и они стали жить с Димкой вдвоём.

А зимой, когда мы в очередной раз остались у бабы Лены на каникулы, произошло ещё более странное событие. Мы играли в перемещение между мирами, не могу сказать, что это было в том же году, я, откровенно говоря, не помню. У нас были импровизированные браслеты и у каждого своя роль. Таня вела нас, Лена фиксировала события, такой летописец, Оля была проводником, а я лекарем. Мне почему-то никогда не давали выбрать роль, хотя я считала, что проводник из меня лучше. Мы носились от каких-то придуманных опасностей, прятались от проезжающих машин, и ничего особенного в наших приключениях не было бы. Я оторвалась от своей группы, на самом деле просто бегала до дома, и мне предстояло вернуться в параллельную реальность, а потом найти свой отряд. И вот я забралась на бревно и спрыгнула в другой мир. Окружающая меня реальность стала расплываться, как будто меня как рыбку погрузили в аквариум. Вокруг перемещались какие-то тени, но они меня как будто не замечали. И вот пара таких теней, отличающаяся от тех, что просто проходили мимо, более светлым окрасом, направилась прямо ко мне.

– Ой, смотри, какой хамелеончик, – донеслось от одной из них.

– Милаха, – согласилась вторая.

– А ну-ка брысь! А то потеряешься, – снова заговорила первая. Я понимала, что она говорит это мне, но не понимала, что она хочет и как это сделать. – Ну что смотришь, глазами хлопаешь? Как сюда спрыгнула, так и назад прыгай!

– Давай-давай! – стала подгонять меня вторая тень. Я не знала, что делаю, но прыгнула назад. Уж очень хотелось домой. Одна из теней слегка подтолкнула меня, и я села на то бревно, с которого прыгала. Всё вокруг снова приобрело правильную окраску. Я на всякий случай потрогала бревно под собой, ущипнула себя за руку. Вроде больно. Некоторое время сидела и приходила в себя, а потом со страхом в душе побежала искать девочек. Они же спокойно ждали меня в поле, откуда я и убежала домой.

– Ну ты через Москву ходила? – возмутилась Ленка.

– Долго? – спросила я.

– Да вообще! Мы уже сами по домам собрались, – сообщила мне Таня.

– Баба Лена задержала, – быстро соврала я.

– Понятно, – рявкнула Лена, – мы в поле собрались, ты идешь?

А я чувствовала, как реальность вокруг меня ещё немного шатается, земля пульсирует, как будто дышит.

– А вы слышите, как поле дышит? – осторожно поинтересовалась я.

– А ты слышишь? – спросила Таня.

– Да.

– Это значит, что тебя покусали и тебе с нами нельзя, – серьёзным тоном заявила она, – а поскольку ты и есть лекарь, потому лечишь себя сама, а мы потом вернёмся.

– Да-да, стой здесь! – подтвердила Лена.

Мне было обидно, но они и правда меня не взяли, я постояла немного одна посреди этого огромного поля, расстроилась, заскучала и ушла домой. Меня тогда сильно беспокоило то, что произошло со мной, я не знала, у кого мне спросить и как, уже тогда я понимала, что сильно отличаюсь от окружающих меня людей и что эти люди будут меня лечить, а я не хотела идти к доктору, в фильмах это всегда плохо заканчивалось.

– Ты почему одна? – спросил дядя Паша, когда я вошла.

– Девочки меня не взяли, – грустно заявила я.

– Почему?

– Они сказали, что меня покусали и мне с ними нельзя.

Дядя Паша рассмеялся:

– Зомби, что ли, покусали?

– Не знаю, – пожала я плечами.

– Ладно, не расстраивайся, смотри, я новую игру принёс.

Я радостно захлопала в ладоши, приставку мы привезли с собой, а единственный, кто гонял меня от приставки в деревне, был дядя Паша. Зашла Лена:

– Пойдём гулять, мы будем чум строить.

– Какой чум? – не отрываясь от экрана переспросила я.

– Ну из снега.

– Это иглу.

– Какая разница? Ты идешь? – занервничала сестра.

– Нет, пусть Танька считает, что я на неё обиделась.

– А ты обиделась?

– Неа, а теперь исчезни. Пока Паша не зашёл, он думает, что вы меня расстроили, потому даёт поиграть.

– Пф-ф-ф, – фыркнула Ленка, но ушла.

В тот день я не пошла на улицу. Через пару дней дядя принёс поиграть более современную игровую консоль, и иногда нам удавалось выгнать брата с дядей, чтобы поиграть в неё, иногда даже с Леной, но здесь мы с ней в основном дрались, а драться с Ленкой было неинтересно, она просто жала на все кнопки подряд, иногда это ей помогало. Иногда. А чаще всего дядя забирал у неё джойстик, чтоб не сломала.

В городе ничего особенного не происходило, кроме того, что нас всё чаще оставляли под присмотром Димки и дяди Паши. Им это не очень нравилось, но они не отказывались и даже придумали новую забаву, которая мне безумно нравилась. У нас были старые фосфорные бусы, точнее уже не бусы, а несколько бусин. Дима поставил в конце комнаты стул, на него бусину:

– Это будет сокровищем, вам нужно до него добежать. А теперь вон из комнаты.

Мы с Ленкой послушно удалились и с нетерпением ждали, что же будет. В это время брат с дядей занавесили окна, наделали ловушек, раскидали подушки в самых травмоопасных местах, вышел дядя Паша:

– Так, считаете до десяти, а потом вместе забегаете в комнату, закрываете дверь, и кто первый схватит бусину, тот и победил.

Мы кивнули, а дядя скрылся за дверью. Досчитали до десяти, потом я неожиданно сообщила, что установленные правила не очень честные.

– Стой, – скомандовала я. – А кто дверь закрывать будет?

– Чур не я, – прокричала Ленка.

– Так нечестно, давай зайдём, закроем дверь, потом досчитаем до трёх и побежим.

– Хорошо, – согласилась сестра. Мы так и сделали. Вошли, закрыли дверь и понеслись к бусине. На дороге валялись стулья, из-под нас выдергивались покрывала, на нас сверху кидались одеяла, а мы с Ленкой с весёлым хохотом выбирались из ловушек и неслись дальше. Потом оказалось, что Ленка вообще не выигрывает, и меня стали тормозить сильнее, я это сразу поняла и возмутилась:

– Вы почему меня сильнее останавливаете?!

– Ты о чём? – сказал дядя.

– Не-не, всё по-честному, – заявил брат. Вот врут и не краснеют, подумала про себя я, но не стала отказываться от игры. Мне даже понравилось, и периодически, несмотря на дополнительные сложности, я всё равно хватала бусину первой. Кроме этого мы играли в прятки, догонялки и другие более обыкновенные игры.

Помню, как мама первый раз доверила мне готовку, я тогда подошла к ней, она стирала:

– Мам, мы с Леной кушать хотим.

– Ну так ты знаешь, как плитка включается, где масло, иди пожарь колбасу сама.

Я задумалась, даже спорить не стала, правда же всё знаю, развернулась, ушла на кухню, достала колбасу из холодильника, нарезала её. Включила плиту, это было несложно, она у нас была электрическая, поставила на неё сковородку, налила масло, выложила колбасу и стала ждать. А потом произошло неожиданное, я заговорила с Ленкой, а когда обернулась, сковорода пылала, я в ту же секунду развернулась и понеслась к маме:

– Мама! Мама! Там сковорода горит!

Мама не стала уточнять детали, быстро прибежала на кухню, взяла крышку и накрыла пламя.

– Масло загорелось, бывает, – спокойно сказала она, выключила плитку и ушла стирать дальше.

– А-а-а, – только и смогла произнести я.

Вот так закончился мой первый опыт приготовления еды, к слову сказать, Ленка потом заявила, что это была самая вкусная колбаса, которую я когда-либо жарила, все следующие разы, даже с яичницей, сильно уступали.

Наступила весна, и мы все неожиданно поехали к бабе Лене, она жила в деревне Новожилино, недалеко от города. Родители были очень грустные и сосредоточенные, мама сказала, что умер деда Саша. Было много людей, дедушкино тело лежало посреди комнаты, а он сам бродил по дому. Я просила покатасть меня на плечах, а он сказал, что теперь это папина задача, а он не может, к сожалению. Все в основном плакали. Я захотела есть и спросила у бабы Лены, когда начнется праздник, ну я не знала, как назвать тот момент, когда все сядут за стол. Бабушка перестала плакать, засмеялась и обняла меня, но ничего не сказала. Пришлось разыскивать маму:

– Мам, почему все плачут?

– Все скорбят о дедушке, Алечка.

– Ну он-то не плачет, вы больше него все расстроились.

– Кто не плачет?

– Деда Саша, вон он, мам, – и я показала в сторону комнаты, где недавно общалась с дедушкой.

Мама задумалась.

– А ты не видишь его, мам?

– Нет, Аля, другие тоже не видят. Иногда маленькие дети видят больше, чем взрослые. Не рассказывай об этом всем подряд. Хорошо?

– Хорошо. Мам, а когда мы сядем за стол? Я спрашивала у бабушки, она не сказала. Я есть хочу...

– Скоро, доча, ты голодная? Хочешь, я дам тебе пирожок?

– Да.

Мама дала мне два пирожка, и ожидание стало приятнее. Я почувствовала, что мама стала за меня волноваться, и на всякий случай не стала рассказывать никому про дедушку, а потом и про других людей, с кем общалась и кто был на него похож. Дедушка мне приснился где-то через месяц, он был в обществе каких-то других людей.

– Что ты тут делаешь? – спросил он испуганно, и этот испуг превратил его в жуткое чудище, я тоже испугалась и проснулась. Вообще мама говорила мне, что я где-то с года спала беспокойно как волчок. «Вообще удивительно, как ты высыпaeшь», – причитала мама, но я не помню, чтобы с искрой я так просыпалась. Как мне её не хватает, я бы спросила, что происходит, правда, наверное, снова ничего бы не поняла.

Летом мы наконец поехали на дачу с бабой Вале́й. И тогда я познакомилась с одним из красивейших уголков нашей планеты, я не могу не рассказать о нем больше. Маленький посёлок Октябрьский Иркутской области, сколько таких по стране? Десятка два? Спасибо революции. Вот только этот занимает особенное место в моём сердце. Расположился он между трех рек. Одна родниковая, чистейшая и прозрачнейшая, несмотря на то, что местные жители используют её для хозяйственных нужд. Всегда ледяная Манька разделяет поселок на две части. Остальные две огибают населенный пункт по краям. С одной стороны болотный Харахун или Сарасун со своими желтыми водами. Вода там вполне питьевая, только купаться я никогда туда залезть не пыталась, да и бабушка не советовала. Болотная река коварна. Я помню дорогу к ней, она напоминает мне путь в сказку. Казалось бы, из нашей деревни вело много дорог, но эта снится мне до сих пор. Вот мы подходим к лесу, и он сразу как будто окутывает, сам хозяин тайги приглашает к себе в гости. Становится темнее, сквозь плотные кроны деревьев попадает не слишком много света, при этом бурелома нет, можно спокойно уйти с тропы и передвигаться по лесу. Именно в эту сторону мы уходили за грибами, черемшой, мама с бабушкой уходили за черникой, брусникой и клюквой. Я ходила с бабушкой за черемшой, а на болота за ягодой нас с собой не брали. Сквозь тонкую полосу таёжного леса ты идешь к деревянному мостику, широкому, сказочному, на больших бревнах, старому, но вполне ещё способному выдержать на себе несколько человек. Под ним течет Сарасун, сквозь воду видно его желто-зеленое дно, наверное, если пошевелить заросли травы у берега, можно даже выгнать какую-нибудь щуку. Перебравшись через реку и пройдя ещё пару шагов по лесу, можно выйти на прекраснейшие поляны, с которых хорошо видно близлежащие холмы, а можно повернуть в тогда молодой лес, уже в начале лета полный маслят. Немного дальше перед тобой вырастают холмы, мы собирали на них красные саранки. И вот наступаешь ты на какой-нибудь трухлявый пенёк, а оттуда во все стороны три-четыре разноцветные ящерицы. Змей не было тогда, только ужики, местные говорили, что деревню заговорили, но любой заговор имеет силу. К слову сказать, ближе к моему прощанию с этим местом в огородах начали появляться гадюки, раньше их встречали только на сенокосах, но сейчас не об этом. Третья река омывала поселок с противоположной от Сарасуна стороны, может, про неё вы даже слышали: Китой – бурлящий, несущийся с гор поток с огромным количеством порогов. Именно Китой смывал деревню на своем пути во времена наводнений, но несмотря на то, что посёлок располагался между трёх рек, я не помню, чтоб его хоть раз сильно затапливало, вот уж действительно заговоренное место. Мы приезжали в это место каждое лето. Помню, как шли на речку вместе с родителями и по дороге прямо на здоровенном камне сидела изумрудная ящерица и смотрела на нас.

– О, смотри, – показал папа, а потом шутливо спросил: – Хозяйка медной горы, можно мы тут пройдем мимо тебя?

Ящерка внимательно посмотрела на папу, казалось, что она даже поняла, что он говорит, потом развернулась и убежала с камня. Мы захихикали.

– Видимо, разрешила, – пожал плечами папа, и мы пошли дальше.

Папа с мамой в основном загорали, иногда выгоняли нас из воды.

– А ну вылезайте, – командовала мама, – губы вон синие.

– Нет! – сопротивлялись мы.

– Вылезайте, обсохните, согреетесь и опять можете купаться.

Мы, повесив голову, вылезали из воды, а потом весело строили песочные замки или закапывали папу, мама себя закапывать не разрешала, а ещё мы любили перебирать камешки, но за ними нужно было пройти чуть-чуть подальше, и одних нас не отпускали, в те дни, когда это удавалось, и тащили самые красивые домой, куда они потом исчезали, я не помню. В нашем огороде и ближайших лесах всегда было полно разных ягод, не хватало их только в начале лета, потому мы объедали ещё не созревшую красную смородину и лиственницу, нам очень нравилось в этом уголке нашего земного шарика.

Первое время было даже электричество, по часам, обычно эти часы совпадали с сериалами, и бабушка с подругами усаживалась перед телевизором. Мне было неинтересно, всё время мы с сестрой проводили на улице. В первое же лето я приехала с бабой Валей раньше, лед на реке ещё не растаял, хотя, по правде сказать, жара стояла тридцатиградусная. Да и в целом климат этой местности отличался некоторыми особенностями, утром на траве часто образовывался иней, а днем иногда невозможно было выйти на улицу, так жарко светило солнце. Поэтому бабушка слушала по радио прогнозы и закрывала тыквы с кабачками на ночь какими-то тазами. Сестру привезли позднее, и первый вопрос, который она мне задала, звучал примерно так:

– Ты уже подружилась с кем-нибудь?

Вот тут я задумалась, ведь мне и так было неплохо, я играла где-то в своем мире. Однако почему бы и нет? Сестра продолжала:

– Вон там девочка у речки, пошли познакомимся.

– Давай, – согласилась я, и мы направились к речке.

– Привет, – начала сестра, – давай познакомимся?

– Давай, – согласилась девочка.

– Я Лена, это Алеста.

– Я Олеся.

– Приятно познакомиться, – сказала я.

– И мне тоже.

– Мы вот тут живём, – показала пальцем Лена, – а ты где?

– А я вон там, – показала Олеся в другую сторону, но и её дом было видно.

– А ты тоже на лето?

– Нет, я здесь всё время живу, – ответила Лене Олеся.

– Здорово, – согласилась Лена, – а мы на лето. А ты что делаешь?

– Рыбу котам в банку ловлю.

– Можно с тобой?

– Да, конечно.

Мы дружно наловили рыбы, Олеся росла с двумя братьями, мы тоже рассказали, что у нас есть брат. Потом вместе отнесли рыбу котам.

– А пойдёте на речку? – спросила Олеся.

– Не знаю, надо у бабушки спросить, если отпустит, – ответила я.

– Да отпустит, – уверенно заявила Ленка, – пойдём спрашивать.

– Сейчас я тогда купальник надену, – на бегу прокричала Олеся и скрылась за воротами. Мы дождались и все втроём направились к бабушке, правда, у калитки Олеся остановилась.

– Ты что стоишь? – спросила Лена.

– А к вам можно?

– Да, можешь вообще заходить, не спрашивать, а то мы на том конце участка тебя не услышим.

Мы нашли бабулю, она опять полола грядки.

– Баба, можно мы на речку пойдём?

– Одни? – удивилась бабушка.

– Нет, с Олесей.

Бабуля наконец оторвалась от грядок и посмотрела в нашу сторону.

– Здравствуйте, – засмутилась Олеся.

– Добрый-добрый, – поздоровалась бабушка, – так там глубоко, мало ли что...

– Мы не на сам Китой пойдём, – сообщила Олеся, – там мне максимум по грудь.

– Ну ладно, идите, – согласилась бабушка, и мы первый раз отправились на речку без сопровождения взрослых.

Потом Олеся познакомила нас с остальными, так началось наше общение с местными ребятами. В конце концов именно с Олесей мы стали играть не так много, оказалось, что на неё взваливают очень много домашней работы и погулять времени остаётся мало. Мы играли со всеми, играли у нас, играли за пределами участка, мама просила бабушку отпускать нас. Даже ходили в ближайший лес за грибами и ягодами, правда, местные девчонки набирали раза в три больше нас, но мы не сильно расстраивались, у них опыта явно было больше. Именно в этот период я поняла особенность свечения сестры.

Мы были разные, семьи у всех тоже были разные. Я не буду перечислять особенности и имена всех, с кем мы общались, это будет долгим и неинтересным рассказом. С местными у нас не возникало никаких особых проблем и разногласий, возникали они в основном с детьми, приезжавшими на лето, как и мы. Так было и в этот раз.

Девочку звали Викторией, Викой. Она не успевала за нами и постоянно плакала из-за этого. Я чувствовала её состояние, но всё равно не понимала, почему мы должны это терпеть. Откровенно говоря, от её капризов устали все, и в момент очередного срыва Лена не выдержала, свечение её потемнело: «Чтоб ты провалилась!» – ругнулась Ленка. Я не до конца уверена, что правильно уловила суть произошедшего, пространство вокруг Вики зашаталось, она, конечно, этого не заметила. Зато точно почувствовала падение в ледяную реку с проломившегося под ней мостика, река Манька здесь была неглубокая, но Вика заплакала и убежала домой.

– Язык у тебя поганый, Ленка, – пробормотала Катя, одна из местных девчонок, с которой мы довольно часто гуляли вместе. Откровенно говоря, мы все были в некотором смятении от такого разворота ситуации. Несмотря на то что мы немного переживали за Вику, я чувствовала это, никто за ней не пошел, глубоко вздохнули и спокойно продолжили играть. Мы потихоньку переставали звать Вику на улицу, она всё реже выходила и сама, а потом они уехали. Так бывало достаточно часто, в дома заезжали семьи, а на следующее лето уезжали – насовсем. Редко кто оставался надолго, без электричества, водопровода, канализации и прочих благ цивилизации. У местных выбора не было, кто побогаче – заводили себе электростанции. Подобное изменение пространства я замечала ещё несколько раз, оно сильно сказывалось на тех, кто причинял неудобства Ленке. В этот момент её свечение всегда темнело, но оно темнело и у других детей, хочу уточнить, что я вообще никогда не встречала темных детей. Они темнели на какие-то доли секунд, иногда минуты, в моменты злости или обиды, наверное, а потом опять становились светлыми. Быть может, если бы люди вокруг оказались глубоко верующими, добром бы не закончилось, но в том уголке нашей необъятной родины гадалок и ведьм было больше, и многие воспринимали такие происшествия как данность. Ходили

к бабушкам за травами, лечили у них сотрясения и испуг, просили сделать заговор или погадать на сушеного. Взрослые светились по-разному, они были и светлыми, и темными, были даже какими-то тусклыми, что ли, я тогда не знала, что это значит. Помню милого старичка, мы вместе с бабушкой приходили к ним с женой в гости на сериалы, понятно, что долго сидеть перед телевизором с плачущими людьми на экране нас было не заставить, мы лазили по двору. Этот старичок называл Ленку каким-то смешным именем из этих сериалов. Ну конечно, она была чернобровая, с густыми волнистыми волосами и зелеными глазами. Мне прозвищ не доставалось, внешне я была вполне обычным ребенком, даже то красное пятно на лбу давно исчезло и проявлялось, только когда я сильно плакала или злилась. Потом от старичка уехала жена, он стал темнеть, потом потускнел, а потом повесился в этом же домике. Я не понимала, почему так произошло, пробовала поговорить с бабулей, но она от меня только отмахивалась, мол, вырастешь, сама всё поймешь. Как-то бабуля взяла на лето местную собаку, а я захотела посмотреть ей в глаза, мне же говорили этого не делать. Собака сначала никак не реагировала, но потом громко залаяла и попыталась меня укусить, а я испугалась. С тех пор стала обходить этих животных стороной.

Несмотря на отсутствие электричества и прочих неудобств, в поселке были школа и библиотека. На одном из утренников для детей я познакомилась с прекрасной женщиной, Анастасией Геннадьевной, поселковым библиотекарем. Она очень любила детей и постоянно стремилась организовать наш досуг, в библиотеке показывали мультики и даже проходили дискотеки. Она с улыбкой зарегистрировала меня и выдала карточку, с тех пор у нас не было проблем с материалами для чтения. А читала я запойно, наверное, у каждого человека есть своя зависимость. Моя – книга, как только освоила это занятие, оторвать меня было практически невозможно. С книгой я теряю связь с реальностью, моё воображение переносит в космос или в мир, где живы магия и драконы. Я осознала, насколько яркие картины рисует моё воображение давно, вернемся ненадолго назад в городскую квартиру, и вот я читаю книгу, а сходяв на кухню за стаканом воды, возвращаюсь не к печатному изданию, а к телевизору, переключаю каналы и не понимаю, как мог так быстро закончиться фильм, там же всё в самом разгаре. Минут через пять я осознала, что это был совсем не фильм... Поэтому в деревне книга заменяла для меня тот самый пресловутый телевизор. Я читала по вечерам для сестры и бабушки, они засыпали, а я продолжала читать. Как я не потеряла зрение, не знаю, ведь единственным источником света для меня была наша старая керосиновая лампа. На следующий день мне пришлось возвращаться на несколько глав или сказок назад, потому как мои слушатели четко помнили, на каком моменте заснули, я немного злилась, но не могла им отказать. В целом отсутствие родителей я переносила нормально, а вот Ленку мне было жаль, она каждый вечер пятницы и утро субботы усаживалась на столбик у ворот и ждала, когда приедут родители, они приезжали каждую неделю. Но иногда они пропускали выходные, наверное, у них были на то причины, Ленка расстраивалась и плакала, я, как могла, успокаивала её, зато как она сияла, когда родители наконец приезжали. Я, наверное, так и не умею. Вот как-то так проходили дни в одном из чудеснейших уголков планеты, а мы росли.

В конце лета нас, как обычно, отправили на пару недель к бабе Лене, и там произошло одно не совсем обычное событие, а может, мне просто показалось? Я вообще стала задумываться, всё ли со мной в порядке, на самом деле всё это происходит или это моё вышедшее из-под контроля воображение? В тот раз мы гуляли втроем: я, Лена и Таня. Накатались на самодельных качелях, объели горох с грядки и сидели, скучали.

- Может, на ранетку пойдём? – спросила я.
- Мы там вчера уже были, что-то не хочется, – скучно ответила Таня.
- Ну тогда предлагай что-нибудь другое, – немного возмутилась я.
- Не знаю, Лен, давай ты предлагай.
- Может, в центр пойдём? – предложила Лена.

- А там что делать? Просто гулять? – спросила я, но мои рассуждения оборвала Таня.
- Нет, нас туда непустят.

И тут мы увидели Олю, она тащила в руках огромный подсолнух. Мы дружно поздоровались.

- Где взяла? Дай немного? – попросила я.

Оля оторвала от своего подсолнуха по небольшому кусочку и раздала нам.

- Серёжа привёз, – ответила Оля, Серёжа был их братом.

- А мне? – возмутилась Таня.

- Он один отдал, – пожала плечами Оля.

– А подсолнухи уже почти созрели, получается? – задумалась я. – Может, мы сами дойти сможем?

- Я знаю, где тут поле, не совсем рядом, правда, но дойти можно, – предложила Таня.

- Пойдём, – сазу согласилась Лена, остальные поддержали.

Никто не следил, куда и на сколько мы сбегает с улицы, потому мы зашли домой за паке-тами и ножами, набрали пирогов из таза, благо баба Лена пекла их в огромных количествах, налили в бутылки воду и отправились в путь. До начала полей добраться было несложно, но проблема состояла в том, что поле с подсолнухами располагалось прямо за кукурузным. Кукуруза нам была не интересна, потому как она не вызревала вообще и шла осенью на корма животным. При этом климат не сказывался на размерах, потому встав перед такой стеной, мы с Ленкой начали сомневаться.

- Тань, а ты уверена, что мы не заблудимся? – спросила Лена.

- Да где блудить-то? Просто прямо, и всё, сразу за этим полем подсолнухи.

- Может, обойти? – с сомнением спросила я.

– Мы до завтра его обходить пешком будем, – буркнула Таня, – мы с Олей тогда лучше домой вернёмся.

- Ну ладно, – согласились мы с сестрой и двинулись через заросли кукурузы.

Направление прямо держать не удавалось, потому как кое-где пройти просто не представлялось возможным, и мы начали петлять, ну и, конечно, в итоге потерялись в этих зарослях.

- Куда идти, Тань? – спросила я в очередной раз.

- Наверное, туда, – с сомнением указала направление подруга.

– А вам не кажется, что мы уже ходим кругами? – спросила Оля. – По-моему, мы здесь уже были, я помню эту кукурузину, которую мы хотели попробовать.

Мы дружно устали туда, куда указывала Оля. Конечно, мы все помнили эту кукурузину.

- Надо что-то придумать, мы так долго ходить будем, – сообщила я.

- Давайте сядем, поедим, – предложила Лена, – мы уже давно здесь, и уже хочется есть.

Я задумалась, мой желудок подтвердил Ленкины слова и жалобно сжался, действительно, неплохо бы. Мы расселись там же, где были, и разобрали пирожки.

– Нам нужно хотя бы направление определить, – сообщила я и с наслаждением откусила от своего хлебобулочного изделия с луком и яйцом, – о, у меня с яйцом.

– Как? Я ничего не вижу, – ответила Таня, – ты вроде повыше, но я сомневаюсь, что выше кукурузы. У меня с картошкой.

- Это понятно, – согласилась я, – только так бродить кругами тоже не дело.

– А вы сможете меня поднять? – спросила Оля, она была меньше всех. – У меня тоже с яйцом.

- Не знаю, давайте попробуем, – поддержала идею Лена, – а у меня с капустой.

- Я тоже хочу с капустой, – протянула Таня.

– Там ещё есть, разломи, может, найдешь, я всё подряд закидывала, не смотрела, – отчиталась я.

Мы попробовали поднять Олю, но быстро поняли, что в акробаты нас не возьмут. Встать с сидящей Олей на плечах оказалось бесполезно, сильно в росте это нас не увеличило. Мы с Таней подставили ладони, Оля встала на них, и мы попробовали поднять её таким образом, но удержаться у Оли не получалось. В итоге стало понятно, что мы с Таней не такие сильные, а Оля не такая ловкая, как предполагалось.

– Есть ещё идеи? – поинтересовалась Таня.

Но никто ей не ответил. Зато я заметила маленькую полевую мышку, она смотрела прямо на меня, потом делала несколько кругов и опять смотрела, как будто хотела, чтобы мы пошли за ней.

– Давайте я попробую вести? – предложила я. – Всё равно ничего не теряем.

– Давай, – согласилась Таня.

И я пошла за мышкой, она и правда куда-то нас усердно вела, и в конце концов мы вышли к здоровой черёмухе. Мышка явно готова была вести нас дальше, но Оля радостно закричала:

– Ура! Теперь мы можем посмотреть, куда идти.

Я не знала, как объяснить своим подругам, что иду за мышью, потому решила принять такую идею, в конце концов Оля права, а куда заведёт нас эта мышь, непонятно.

– Я не полезу, – заявила Таня, – в прошлый раз, когда я полезла на дерево, это закончилось сломанной рукой.

Это была правда, я уже перестала считать, сколько раз Таня ходила в гипсе.

– Я полезу, – вызвалась я и стала карабкаться на дерево. С навыками мартышки в то время у меня никаких проблем не было. Вообще удивляюсь, как я-то осталась с целыми конечностями. Мы лазили по заборам, по домам, даже по дверным проёмам, баба Лена, зашивая очередную дырку на штанах, причитала, что не девочки у неё растут, не внучки, а какие-то сорванцы. Помню, как перебиралась с бани на зимовье. Эти два помещения были совмещены общей крышей и верандой. Брат с дядей просто перепрыгивали с одного чердака на другой, а я переживала, что не смогу тогда допрыгнуть, и, наверное, была права, потому выбрала другой способ: я осторожно перебиралась по пятисантиметровой балке вдоль стены веранды, даже удивительно, как ни разу не навернулась оттуда. Залезть на черёмуху было задачей смешной сложности, и я справилась с ней достаточно быстро. И да, я увидела всё что нужно.

– Ну что? Видно? – крикнула Лена.

– Да, – ответила я.

– Сможешь довести? – уточнила Таня.

– Да, а куда нам надо? Домой или за подсолнухами?

– А ты сможешь и туда, и туда довести? – поинтересовалась сестра.

– Ага.

– Тогда давай за подсолнухами, а потом домой, – предложила Лена. Девочки не стали спорить, хотя я видела, что они устали и не горят желанием.

– Хорошо, спускаюсь.

Мой внутренний компас, в отличие от Таниного, сломан не был, и к их огромному удовольствию, я скоро вывела девочек к подсолнухам. Они и правда оказались совсем ещё не зрелыми, потому мы выбрали по парочке более-менее съедобных и собрались домой, но Таня потеряла нож.

– Стойте, я нож не могу найти. Мама меня убьёт.

Мы ещё потратили какое-то время на поиски ножа, но безрезультатно, в конце концов Таня смирилась с неминуемой участью, и мы благополучно вернулись на свою улицу. Гулять не стали, и каждый со своим уловом отправился домой. Вот мы с Ленкой сидели на крыльце и уплетали недозрелые семечки, когда зашёл дядя Паша.

– О, подсолнухи, где взяли?

– На поле ходили, – ответила я.

– На какое?

– Не знаю, Таня довела, – пожала плечами Лена.

– Колхозное имущество, значит, ворует? – рассмеялся дядя Паша и отломил себе половину от одного из подсолнухов.

– Мы не ворует, – протянула я, – там же их много.

– Много-то много, но хорошо, что вас не поймали, а то поддали бы за такие проделки, – резюмировал дядя, съел пару недозрелых семечек и ушёл в дом, оставив нас размышлять о произошедшем самостоятельно. Мы с Леной молчали. Не знаю, какого эффекта хотел добиться дядя Паша, и не знаю, какие выводы сделала Лена, но меня стала мучать совесть, после этого я решила, что больше не пойду на поле воровать что-либо.

В том же году дядю Пашу с Димой снова оставили с нами, и они явно хотели куда-то уйти. Не знаю, как это пришло им в голову, но вошёл дядя Паша и сообщил:

– Так, играем в захват заложников, садитесь на стул, а мы вас привяжем, ваша задача освободиться.

– Только не туго, – потребовала Лена.

– Хорошо, – согласился Дима.

Они привязали нас к стульям и куда-то ушли. Я отвязалась, Ленка тоже, и к их возвращению мы уже скакали по дому.

– Отвязались?! – с каким-то восторгом и гордостью порадовался дядя Паша.

– Молодцы, – похвалил Димка.

– А можно ещё раз? – спросила я.

– Ну давай, – пожал плечами дядя и привязал меня ещё раз. Потом привязал Дима, в конце концов дядя заявил:

– Так, всё, Алька, надоело, я больше узлов не знаю. Топайте на улицу.

Я вздохнула, но поняла, что спорить бесполезно, и мы с Леной ушли гулять. А где-то через неделю дядя Паша, весело хихикая, предложил мне:

– Алька, давай снова в заложников? Только сложнее будет.

– Да, я согласна.

После этого дядя Паша пристегнул меня наручниками к батарее, не знаю, где он их взял, и ушёл в магазин. Понятно, что «развязаться» я не смогла, хотя честно пыталась вывернуться, но из этого тоже ничего не вышло, по возвращении дядя спросил:

– Что? Нет? А я думал, ты меня удивишь, – отстегнул и продолжил: – Пойдём, научу вскрывать, тащи скрепку.

Я отыскала скрепку, и дядя показал мне, как вскрываются наручники, я быстро освоила навык, но у меня возникли вопросы:

– А где мне взять скрепку?

– Ну ты же девочка, у вас там шпильки разные есть.

– А, да, точно, – согласилась я.

В городе происходили изменения. Где-то во втором классе я предпочла пению и ритмике художественную школу, была успешно принята в подготовительный класс. Где-то в тот же год я потихоньку стала бороться со своими страхами. Наш детский сад, в котором теперь находилась ещё и школа для начальных классов, был огорожен кирпичным забором, мы регулярно лазили по нему, но я всегда старалась за что-то держаться, а в тот день решила, что пора завязывать. Ну упаду, ну сколько здесь? Я отпустила руки и выпрямилась, сначала было страшно, но потом страх ушёл и появился азарт. Я стала пробегать не только по широким кирпичным заборам, но и по железным решёткам между ними. Потом мы с девочками на спор крутились на перекладине назад, вперёд могли все, а вот назад единицы, и я была в их числе. И в одну из ночей, когда снова падала, поняла, что меня больше не пугает это ощущение, мне оно нравится, я прямо во сне представила крылья и почувствовала, как парю на них в воздухе. Я проснулась,

но в этот раз осталась на кровати и никакого страха от этого пробуждения не было, наоборот, мне было жутко обидно, что всё закончилось, и я хотела назад. Так стало происходить и с другими снами, не сразу, постепенно, но я стала как-то понимать, что всё, что происходит, нереально, и сама стала менять сюжет. После того как я становилась автором истории, немного дольше находилась во сне, чем в тот первый раз, но потом всё равно просыпалась. Иногда после того, как реальность вырвала меня из интересного и в тот момент уже безопасного мира, я лежала и представляла, а что же будет дальше. Ведь не интересно видеть историю без логичного завершения. К чудовищам я привыкла, мне стало даже интересно. Их смертоносная красота завораживала, пару раз я видела моменты их охоты во сне. Я не признавалась себе, но мне нравилось наблюдать за тем, как хищник всего несколькими движениями убивает свою жертву, не оставляя ей никаких возможностей сбежать от своей участи.

В Новожиликино дядя Паша откопал где-то велосипед с рамкой. Ездить на нём было не просто, но очень хотелось, я долго и упорно училась. Ленка боялась, а я падала, обдирала коленки, но снова пробовала, в конце концов научилась ездить на нём, просунув ногу под рамой, а потом стала перекидывать и через неё, несмотря на то, что до земли доставала, только слегка наклонив велосипед вбок, а тормоза на нём не работали. Скорость моего перемещения увеличилась, и я с радостью стала соглашаться сходить в магазин, несмотря на то что он находился на горе и поначалу ехала я только малую часть пути, потому как в гору мне приходилось свой транспорт затаскивать на себе, а съезжать с первой, самой крутой части я без тормозов побаивалась. Но спустя некоторое время я решила попробовать и, поехав, ощутила это легкое и приятное щекочущее и бодрящее чувство опасности, моё сердце забилося чаще, и реакции обострились, я успешно слетела с горы по асфальту на казавшейся тогда огромной скорости. Педали крутить не нужно было, ну а тормозов просто не было, я тогда решила, что если что, буду рулить на чей-нибудь участок, вдоль дороги росла высокая трава и мне она казалась приемлемой подушкой в случае непредвиденной ситуации. Так с каждым днём я становилась увереннее, а иногда была и слишком самоуверенна. В один из прекрасных солнечных дней конца лета мы вместе с Таней отправились кататься. Проехали по соседним окрестностям, съездили в сторону магазина, а потом решили вернуться домой по новому маршруту. Проехали по параллельной от нашей улицы, но находящейся выше, и упёрлись в очень крутой неасфальтированный спуск, стоял выбор: либо возвращаться назад, либо спускаться, вот только спуститься, наверное, стоило пешком.

– Пешком спустимся? – спросила Таня.

– А может, съедем? – с вызовом задала встречный вопрос я.

– Ты смотри, у меня-то маленький велик и с тормозами, а твой огромный, и сама знаешь, что тормозить тебе нечем.

– Поехали, мне кажется, всё получится, – решила я, но в этот момент перед глазами возникла моя старая знакомая искра, которая давно не появлялась. Она явно протестовала, но я лишь отмахнулась, перекинула ногу через перекладину и поехала. Уже метров через тридцать я осознала свою ошибку, поверхность была слишком неровной, сильные толчки сначала выбили педали из-под моих ног, я держалась как могла, но под конец спуска мои руки не справились и руль я тоже потеряла. На скорости велосипед повалило набок, амортизировать я могла только рукой и коленкой, думаю, не нужно объяснять, что им опять сильно досталось. Вообще что-то, а группироваться во время падения я за время своего беспокойного детства научилась весьма неплохо. Велосипед отлетел на несколько метров. И пока я осознавала, не сломаны ли кости, рядом грохнулась Таня. Ей и вправду досталось меньше, она отряхнулась и посмотрела на меня:

– Ты как?

– Да цела вроде, – отмахнулась я, – а ты?

– Ну мне-то проще, я видела, как ты грохнулась, точно всё в порядке?

– Да вроде, но обработать надо, – из ссадин на моей ладони и коленке сочилась кровь, – поехали домой.

– Поехали.

По дороге до дома я размышляла, а стоило ли так успешно учиться блокировать чувство страха, моя чрезмерная смелость стала уже отдавать глупостью. Дома меня встретил дядя Паша, забрал у меня велосипед и скомандовал:

– В дом иди, – отвёз мой транспорт на место, потом зашёл в дом и достал мне аптечку. – Кости целы?

– Да вроде да.

– Тогда на, обрабатывай, – дядя поставил передо мной аптечку, – ты где так навернулась?

– С горы съехала, а там кочки.

– Ты головой-то думай, – Паша слегка постучал кулаком мне по макушке, – хорошо, что только ссадины.

Я не стала спорить, как положено, намотала кусочек ватки на спичку, обмакнула в зелёнку и стала обрабатывать место вокруг раны, дядя долго и внимательно наблюдал за этим, потом попросил:

– Дай я?

Я отдала ему баночку с зелёнкой и палочку, он взял её у меня, а затем просто вылил часть содержимого из банки с зелёнкой мне на ладонь. Жутко зашипало.

– А! Ты что делаешь?

– Ну а что ты ерундой какой-то занимаешься? Давай ногу.

– Не надо, там кожа так не ободрана, я сама. Я и правда, несмотря на жжение, обработала всю ссадину, а не только кожу вокруг неё.

– Молодец, – похвалил дядя и убрал аптечку.

Вечером вернул мне велик:

– Всё, теперь тормоза есть.

Я села и попробовала поехать, но крутить педали стало невероятно трудно, зато при прокрутке назад велосипед действительно останавливался.

– Нет, верни назад, так же невозможно ездить!

– Но тогда тормозов не будет.

– Их и до этого не было, я лучше без них.

– Тормоза придумал трус? Да, Алька? – рассмеялся дядя. – Ладно, сейчас верну всё назад. Ещё ты восьмёрку на колесо поставила, я поправил.

– Спасибо.

– На здоровье, топай.

Инцидент, похоже, был исчерпан.

Баба Лена в том году научила нас с сестрой играть в тысячу, я быстро начала считать карты, и Ленке стало неинтересно со мной играть. Зато бабули брали меня с собой, они тоже соревновались в этом умении, но не любили записывать очки по столбцам, а для меня это не составляло труда. Так что если мне когда-нибудь придётся играть с кем-то в карты, то если не жульничать, то обыграть меня не так уж и просто. Хотя и жульничать меня научил потом дядя Паша. Мы никогда не играли на деньги, и для меня это были интересные занятия на ловкость рук и тренировку мозгов. В том же году я стала бояться собак, потому что меня и правда чуть не укусила одна из них. Загнала меня на гору шифера и не выпускала, пока не подошёл папа. Хоть он и говорил мне, что собаки разные, я стала их опасаться. Я стала даже обходить собаку бабы Лены, которая сидела на цепи, хотя до этого я весело с ней играла. Вега виляла хвостом и пыталась приблизиться, она не понимала, что поменялось, но я ничего не могла с собой поделать и стала обползать её, прижавшись к забору.

Постепенно срок обучения в моей спецшколе с шести лет до третьего класса подошел к концу. Мама не стала отдавать меня в четвертый вместе с другими ребятами, посчитав, что обычный третий класс с нормальной численностью обучающихся будет лучше, чем переполненный четвертый по экспериментальной программе, тем более что в пятый мы всё равно пойдем вместе. К слову сказать, Ленка в спецшколу не поступила и училась здесь уже с первого класса. Меня немного дразнили за это мои старые друзья, однако это лучшее мамино решение, которое она могла принять. Учительница в моем классе была молода и прекрасна, я до сих пор помню её свечение и любовь к нам. Я немного жаловалась, что уже проходила то, что мне задают, но больше для привлечения внимания. На самом деле я была счастлива, я быстро перешла на четыре и пять, мои старые знакомые долго не понимали, как это возможно, а я знаю. Я ведь была ребенком, необычным ребенком можно сказать, и не могла учиться у того человека, который устал от жизни, я заражалась её усталостью, я ничего не хотела делать, по прошествии лет смеялась над своими прописями с пятисантиметровыми расстояниями между буквами. Светлана Сергеевна другое дело, я хотела учиться у неё, её любили мы все, и выкрутасы мальчишек были направлены скорее на привлечение внимания, нежели на попытку доставить неудобство. Мои прежние одноклассники не понимали, как можно так, по щелчку буквально, перейти со сплошных двоек и троек на четыре и пять. А я всё понимала, но не собиралась никому ничего объяснять. В школе я видела разных ребят, видела, как с возрастом свечение некоторых темнеет, насовсем темнеет. Я старалась избегать общения с ними, я не знала, как им помочь. В нашем классе тоже были ребята из неблагополучных семей, но Светлана Сергеевна светила любовью ко всем нам так, что их проблемы, видимо, оставались где-то дома. А она, наверное, и не знала, насколько помогла ребятам принять этот мир таким и продолжать учиться. Жаль, что я была с ней всего один год, но я до сих пор безмерно благодарна ей за тот свет.

Позже Димку призвали в армию. Я перешла в пятый класс. Стали меняться учителя по предметам, они были разные, нашим классным руководителем оказалась заслуженный учитель Зоя Эдуардовна. Вот ведь бывают и такие, по-моему, она была не сильно младше моей первой учительницы, но я не чувствовала усталости. Зоя Эдуардовна любила порассуждать о жизни на уроках русского языка и литературы, но это, наверное, была единственная сомнительная черта её характера как педагога. Мальчишки использовали это, когда не хотели учить новый материал, и Зоя Эдуардовна уходила в философию, хотя, к слову сказать, и у неё были точки контроля, когда мы приближались к... давайте назовем это дедлайном, никакие рассказы и вопросы не могли сдвинуть её, приходилось учиться. Как-то так сложилось, что практически все учителя были увлечены своим предметом и к нам относились очень неплохо. Может быть, мне повезло, но училась я легко, больше всего любила точные науки. К литературе не испытывала особой симпатии, стихи часто учила за перемену, а произведения, положенные по программе, читала в сокращении, благо тогда уже появился, пусть очень медленный, но всё же интернет. Читала пару обзоров с разными мнениями, а дальше без проблем сама писала сочинения по заданной теме. Наверное, это было неправильно, но пусть это останется моим подростковым протестом. Не любила учить правила русского языка, вообще считала: зачем такие правила с кучей исключений, которые ещё и меняют периодически, потому испытывала некоторые проблемы в учебе, особенно с пунктуацией. С грамматикой мне позволяла справляться моя любовь к книгам, прочла я их огромное множество, хоть и не в рамках школьной программы. Отсутствие троек усыпило бдительность родителей и дало мне свободу, они перестали следить за моими уроками, а потом и ходить на родительские собрания.

– Ой, что мне опять там скажут? – ворчала мама. – Ваша дочь умная, но ленивая? Я и так это знаю.

Меня устраивал такой расклад, я ценила свободу больше всего, а родители дали её мне. Где-то в том же пятом классе перешла на основную программу художественной школы, где

оказалась в одном классе с ребятами, с которыми училась в школе. Это были брат с сестрой: Саша и Валя. Саша был младше нас на год, но его мама решила, что вместе с сестрой будет лучше. Сейчас мне кажется, что она была не совсем права, потому что в итоге он больше общался с девчонками, но тогда мне было всё равно. Оказалось, что они ещё и жили рядом, потому что понятно, что я чаще всего гуляла именно с ними. Болтала я в основном с Сашкой, Валя была молчаливой девочкой. А болтали мы много, потому как коротали дорогу от дома до школы, от школы до художественной школы, а потом опять до дома, так что можно сказать, Сашка в то время был моим другом. К нашей небольшой компании со временем то присоединялись ребята, то снова уходили. При этом мне никогда в голову не приходило рассматривать одноклассников и других парней из школы как своих партнёров, хотя некоторые девочки уже в шестом классе слали валентинки старшеклассникам. Маму очень интересовало, почему я никогда не выбираю в школу юбки, я просто говорила, что не хочу. Ну почему-то не могла я ей сказать, что в юбке я не смогу носиться по этажам и играть в «сифу». «Сифой» была свёрнутая тряпка, не знаю, где парни её брали, но основной задачей было носиться по этажам и уворачиваться от этого свёртка, чтобы не стать тем самым «сифой». Были, конечно, девочки, которые в юбках сидели в классе, но я к ним точно не относилась. Может, мама догадывалась, кроме того, помнила про мои убитые во время лапты платье, колготки и колени. Где-то в конце осени Ленка притащила домой взрослую собаку породы боксёр, она просто подошла на кухню к нам с мамой и сказала:

– Мам, там собачка у двери.

Мама вздохнула и пошла открывать дверь, но закрыла она её быстрее, чем открыла:

– Лена, ты обалдела? Перед такими собаками дверь не открывают!

– Ну мам, она на улице бегала голодная, мы её покормили, она, видимо, поэтому за мной пришла. Она хорошая, мам, она не кусается.

– Ладно, – вздохнула мама, – наверное, потерялась, породистая вроде собака. Только договариваемся так: ты рисуешь объявления, и мы ищем её хозяина вместе.

– Хорошо, – запрыгала от радости Ленка.

Я сидела на кухне и всё слышала, даже посмотрела на собаку издали, пока та уплетала предложенную еду на кухне, но подойти не смогла, а потом закрылась в комнате. Вечером Лена с папой пошли с ней гулять в надежде на то, что она сама приведёт их к своему дому, но этого не произошло, а значит, животное нужно было где-то оставлять. Папа вошёл ко мне в комнату:

– Доча, ты как?

– Нормально, пап.

– Мы не сможем её оставить, если ты будешь бояться. Собака правда хорошая, но я могу увести её к бабе Лене.

– Я попробую, – робко согласилась я.

Мы прошли в зал, я села на диван, мама с папой сели рядом, после этого Лена завела собаку, та, радостно мотая хвостом, точнее в его отсутствие всей филейной частью, побежала ко мне. Я не выдержала, завизжала и спряталась за спинами родителей. Мне правда было страшно, собака пыталась просунуть свой нос ко мне.

– Нет, я не могу! Уберите её, пожалуйста! – в ужасе закричала я, встала и прижалась к спинке дивана.

– Ты что такая трусиха! – с обидой заявила Ленка.

Папа вздохнул, забрал собаку и в этот же вечер увёл её к бабе Лене. Ещё неделю они с Ленкой ходили туда гулять с ней и искали хозяев, но в один вечер папа позвал нас всех на кухню.

– Я узнал, что это за собака, – начал он, – её просили сдать на живодёрню какие-то ханыги, откуда она у них взялась, не знаю. Но тот, кого просили, пожалел её и привёз сюда в надежде,

что кто-то возьмёт её к себе. Таким образом, дома у собаки нет. Мы её себе взять не сможем из-за Альки, потому завтра я отвезу её в питомник.

– Нет! – закричала Ленка.

Я молчала, я понимала, что последнее слово за мной, и если я не смогу совладать со своим страхом, то это милое животное будет страдать, а она уже страдала из-за предыдущих хозяев. Нет, я не смогу, я не смогу простить себе это.

– Я справлюсь, давайте заберём её себе? – тихо сказала я.

– Ты уверена? – строго спросил папа.

– Да.

– Тогда мы с Леной сходим за ней, – папа прямо как-то воспрял духом.

– Ура! – прокричала Лена.

– Я с вами пойду, – сообщила я, решив, что так мне будет легче её принять.

– Тогда собирайтесь, – согласился папа.

По дороге до бабушки Ленка не могла успокоиться:

– А как мы её назовём?

– Пусть будет Найдой, мы же её нашли? – предложил папа.

– Найда, – раздумывала Лена, – ладно, пусть будет Найдой.

– Ну хочешь, другое имя предложи.

– Нет, пап, мне нравится.

– Алест, а ты что думаешь?

– Мне тоже нравится, пап, – я чувствовала, что сделала правильный выбор, пока мы шли, я уже устала бояться.

Лена с папой забрали Найду сами, и мы отправились в обратный путь, папа старался держать собаку подальше от меня, хотя та норовила меня обнюхать.

– Можно я поведу, пап? – наконец решилась я.

– На, держи, – просто передал мне поводок отец.

И вот я уже иду и веду свой страшный кошмар, который даже не рычит на меня, несмотря на то что у меня сердце ушло в пятки, а периодически пытается сменить маршрут следования, и мне приходится тянуть её назад. В итоге пока я воевала с куда-то тянущей меня собакой, полностью забыла про страх, теперь это глупое животное меня больше раздражало своим нежеланием идти куда следует, но до дома я её довела. Там сама накормила Найду ужином, никто не стал со мной спорить, и через какое-то время мы в месте с Леной уже весело возились с ней в комнате, перетягивая верёвку. Так у нас появился ещё один член семьи. Впоследствии мне часто приходилось отгонять от нее «женихов», один раз я за шкуру дотащила до двери подъезда питбуля, вообще не понимаю, как таких собак можно отпускать на самовыгул, быстро загнала Найду в подъезд, откинула кавалера подальше и захлопнула дверь.

Шестой класс подходил к концу, я спокойно сидела за компьютером и играла в одну из популярных стратегий. Данный аппарат появился у нас давно, я не писала когда, потому что просто не помню, помню только, что на первом нашем компьютере ещё даже отсутствовала привычная операционная система, маму за ним научил работать знакомый программист, она научила меня основным моментам, ну а потом я сама ещё кое в чём разобралась, уже без её участия. В дверь позвонили, я не спрашивая открыла дверь, за ней стоял Димка. Я замерла, развернулась, добежала до мамы в её комнату:

– Димка вернулся! – после прибежала обратно и кинулась брату на шею.

Мама не очень поняла, что я ей прокричала, какой Димка, но вышла, а увидев брата, присоединилась к общему восторгу. После того как объятия закончились, мы отправились на кухню, я поставила чайник. Димка сильно изменился, повзрослел, что ли.

– Ты же к осени должен был вернуться? – удивлённо начала мама.

– Меня отпустили раньше, я же в отпуске не был. Да и вообще я первый, даже грамоту дали.

– Покажи, – потребовала я, и Дима достал свою награду, я рассмотрела бумагу, – ну ничего себе!

Я передала бумагу маме, а мы с братом продолжили разговор.

– Да её пустую подписывали, если бы он знал, кому выдаёт, ни за что бы не подписал.

– Почему? – удивилась я.

– Да я же два раза на гауптвахте был.

– Это что?

– Ну вроде места заключения.

– За что?

– За то, что старшего по званию послал.

– Ты бессмертный? А я только хотела сказать, что повзрослел.

– Нормально всё закончилось? – немного забеспокоилась мама.

– А, да, нормально всё. Он не прав был. А потом меня забрали в мастерскую, сапоги ремонтировать. Так что я теперь с кожей работать умею.

– А вот это хорошо, – похвалила мама.

Мы ещё пообщались, я спросила, почему брат привёз бутылку пива, а не арбуз со своей службы. Потом разошлись по своим делам, брат ушёл в ванную, затем отправился к друзьям. Найду за тот год мы окончательно избаловали. Помню, как она залезала ко мне на диван, мордой как будто просверливала себе место, пробиралась ко мне за спину, а потом упиралась лапами в спинку и скидывала меня с моего же места. Я ворчала и даже немного ругала её, но долго злиться не могла и сама же тащила собаку к себе на кровать.

В седьмом классе я заявила, что хочу пойти в секцию боевых искусств, и поскольку в ближайшей округе была только одна такая школа, я пошла на фул-контактное карате СЭНЭ Санда. Никакого отбора не было, пришла мама, заключила договор, мы купили то, что было сказано: кимоно, белый пояс и боксёрские перчатки. Вот я в первый раз зашла в женскую раздевалку, в тот момент там переодевались трое девчонок.

– Привет, – кивнула я.

– О, привет, новенькая? Я Катя, – представилась девочка с красным поясом, уже сидевшая в кимоно.

– Да, Алеста.

– Привет, я Наташа, а это Оля.

Оля кивнула и завязала коричневый пояс, у Наташи, как и у Кати, был красный.

– Приятно познакомиться, – сказала я и стала переодеваться, довольно быстро справилась, до тренировки было ещё минут пять.

– А ты почему на карате пошла? Обижают? – спросила Катя.

– Да вроде нет, просто захотела сама, – осторожно ответила я. Девочки недоверчиво посмотрели, но ничего не сказали. Я вышла из раздевалки последней, в группе нас распределили по рядам, понятно, что я стояла сзади. Началась тренировка, я просто повторяла движения разминки, приёмы, насколько получалось, и выкрики, которые делали остальные. Домой вернулась в смешанных чувствах, вроде ничего особенного, но в этом и была проблема. В некоторые тренировки нас ставили в пары, меня ставили в пару с мальчишками лет семи, откровенно говоря, ни им, ни мне не было комфортно, но мы не спорили. Были и спарринги, но я в основном защищалась, пробовала бить, но даже силу в удар не вкладывала. Тренер пробовал ставить меня с такими же новичками и с девчонками, но я не могла атаковать ни первых, ни вторых. Наверное, стоило сказать об этом тренеру, но я не сказала, он вообще немного смутился девочек, я-то это видела. Нет, он учил нас, ставил удар, когда мы тренировались на грушах или лапах, но это всегда было как-то мягко, с парнями он вёл себя иначе. Для меня это стало просто

очередным уроком физкультуры. Нельзя сказать, что я не преодолевала себя, но это не было заслугой тренера. В одно из занятий он просил нас идти по кругу, а потом по очереди делать кувырок вперёд из положения стоя. Это не вызвало у меня сложности, но потом он попросил одного из занимающихся встать на колени и наклониться, а остальные должны были делать кувырок уже через человека. Я решила, что не могу, в итоге просто перепрыгнула и приземлилась на колени, первый круг ничего после этого не произошло, а на втором все дружно рассмеялись. Я поняла, что, наверное, выгляжу нелепо, весь третий круг я собиралась с мыслями, пытаюсь принять то, что даже если я задену этого парня ногами, он выдержит и вообще я же до этого не испытывала проблем с данным упражнением. И я сделала этот кувырок, для меня это была маленькая победа над собой, а остальные? Остальные просто проигнорировали это моё достижение, Вадим Викторович даже не сказал мне короткое «молодец». Наверное, и не должен был, но мне чего-то не хватило тогда. Через месяц пришла ещё одна девочка, и у меня наконец появился постоянный спарринг-партнёр. Это была Надя, она тоже пришла просто потому, что хотела выучиться искусству боя, но в этот раз девчонки уже не удивились. Были занятия, которые мне нравились. В одно из них мы побежали за город, от нас добираться было не настолько далеко, особенно учитывая, что мы не шли, а бежали, с редкими, короткими передышками. Было тяжело, но все справились. А на берегу Китоа тренер вывел нас к относительно крутому склону, разделил нас на две команды: одна должна была удерживать высоту, а задача другой пробежать наверх. Наверное, он рассчитывал, что мы будем объединяться в группы, что-то планировать, а может, и не рассчитывал. Мы же весело карабкались наверх, нас сбрасывали, мы поднимались и карабкались снова. В тот день я вернулась домой по уши грязная, но крайне довольная. Хотя я не права, были ситуации, когда Вадим Викторович давал такие задачи, которые заставляли меня и других мобилизовать все свои силы, по крайней мере мне точно пришлось несладко. Мы снова были разделены на две команды и должны были держать уголок, то самое упражнение на пресс, проигрывает та команда, чей участник первый опустит ноги на пол. Я никогда не любила качать пресс, спину – да, пресс – нет, это было единственное упражнение, по которому мне ставили четвёрку на физкультуре. Но в тот день я призвала все свои физические возможности, пыталась не думать о физической боли, о напряжении мышц. Вначале я видела, как тренер ходил между нами и наблюдал, но под конец я даже не знаю, из-за кого он это сделал, потому как всё моё внимание было направлено только на то, чтобы держать ноги поднятыми. Я тихо ненавидела своего наставника за это испытание, но безумно благодарна ему за то, что он не стал дожидаться, когда кто-то из нас сдастся. Вадим Викторович сообщил: «Ничья», – и по залу пронёсся вздох облегчения. Я легла на спину, но тренер дал нам всего пару минут и продолжил занятие. Я получила свой желтый пояс, со мной на вручение поехал отец. Всё происходящее было похоже на спектакль. Все, у кого уже были пояса, должны были нанести нам удары рукой в пресс и ногой по голени, а мы должны были просто стоять. Потом мы разбили ударом руки доски, которые были тонкими как картонка. Это и было посвящением. Звучит серьёзно, но у меня остались смешанные чувства, которые подтвердил папа, после того как всё закончилось.

– Что-то, Алька, вас прям погладили, ну ладно пацаны, я думал, вон девчонки сейчас отыграются, а нет, – рассмеялся он.

– Мне тоже так показалось, пап.

Весной в музее рядом с нами открылась выставка цветов, и мы пошли на неё вместе с мамой. Мне нравилось ходить среди разных интересных цветов и растений, хотя там были не только они. В аквариуме мы обнаружили скорпионов, их продавали, я раньше никогда не видела их вживую.

– Мам, давай купим такого? – стала выпрашивать я. – Смотри, какой красивый!

– Ага, а ещё ядовитые.

– Эти не опасны, – решил вмешаться продавец.

– Так. Нет, в моём доме не будет этих тварей. Я даже боюсь представить, что будет, если он убежит. Нет, вырастешь, найдёшь себе принца какой-нибудь дикой страны и хочешь – змей заводи, хочешь – пауков, хочешь – скорпионов. А сейчас нет, – жёстко отрезала мама, я вздохнула и оставила надежду завести себе скорпиончика. И мы пошли дальше. Среди всего, что было я выбрала венерину мухоловку, это единственный хищник, которого мама разрешила мне оставить. Мы купили для неё аквариум, и мухоловка обосновалась на подоконнике. Я изучила правила ухода за таким растением, потому чувствовала она себя хорошо. Правда, приходилось гонять от неё брата, дядю, папу, даже иногда Лену, все норовили сунуть палец в ловушку, для того чтобы она её свернула.

– Она всего несколько раз её захлопывает, а потом ловушка отмирает! – ругалась я практически на всех своих близких, кроме мамы. Видимо, старалась я не зря, потому что мухоловка хорошо подросла, а весной зацвела.

В том же году я первый раз побывала на Байкале, и было бы странно, если бы это место не оставило в моей душе след. Нас вывезли учительницы по географии и биологии, Анна Николаевна и Татьяна Геннадьевна соответственно, это был мой восьмой класс. Раньше я с Татьяной Геннадьевной ездила только в походы и на туристические слёты, мы, конечно, никогда не выигрывали. Команда постоянно менялась, узлы учить ребята отказывались. Ну а зачем? Пятёрку по географии за это не поставят. Все официальные названия узлов знала, наверное, только я. Вообще мне нравилось плетение, мама увлекалась макраме, и я тоже пробовала, потому узлы не оказались для меня чем-то новым. Ну и технику безопасности при разных переправах и подъемах, скорее всего, ребята бы изучили, если бы использовали её не только на соревнованиях. Туристического кружка у нас в школе не было. После приезда на озеро я снова сплывала, когда решила поддержать остальных ребят в их протесте. Мы остановились на турбазе, она была не новая, с железными кроватями с сеткой, потертым бельём. Меня поселили с Оксаной, девочкой из параллельного класса, с нашей параллели поехали только мы двое и были самими старшими из присутствующих девушек. Девочки помладше начали громко возмущаться, что не готовы ночевать в таких условиях. Возмущались, что в этом клоповнике только тараканов не хватает, Оксана к ним присоединилась.

– Ага, – не стала я с ними спорить, тем более что другой компании на ближайшие два дня у меня не было.

Потом зашла Анна Николаевна:

– Вы странные такие, а вы что ожидали, отель? Вы ради чего здесь, чтобы поспать?

– Поспать нам здесь точно не удастся! – возмутилась в очередной раз Наташа, невысокая девчонка на два года младше меня.

– Ну а ты что молчишь? – посмотрела учительница на меня.

«Ну Анна Николаевна, – хотелось мне сказать, – хотите, чтоб я констатировала, куда все, туда и я?» Мне было жутко неудобно выбирать сторону в этой ситуации, но я сделала свой выбор:

– Мне тоже не очень, я бы лучше в палатке переночевала.

– Больше никуда вас не повезу, – обиделась Анна Николаевна и ушла.

Вот и поддержала протест, но возмущения быстро закончились, когда пришёл наш экскурсовод: колоритный мужчина с длинной седой бородой. Он вывел нас на улицу и повёл к озеру. Нет, там не было красивых лесов или величественных холмов, перед нами была огромная белая равнина, насколько хватало глаз. Наш экскурсовод что-то рассказывал, наверное, было интересно, но я ничего не помню. Не знаю, как остальные, а я чувствовала, как будто иду по жерлу вулкана. Эта невероятная сила пугала меня, она как будто пыталась поглотить, просила впустить. Но я боялась, мне очень хотелось попробовать глоточек той силы, но я не знала, как это сделать, ну как заставить себя рискнуть. Это похоже на тот момент, когда тебе немного хочется пить, а рядом только пронсящееся цунами. Я решила остаться в зоне безопасности,

хотя эта сила и казалась спокойной, как большой спящий великан, она пугала меня. Именно с таким чувством я уехала оттуда первый раз.

Летом мы снова отправились к бабе Лене, тогда папа запланировал строительство нового дома и где-то раздобыл сруб, там не было окон, но крыша и дверь присутствовали. Мы отпросились ночевать на крыше этого строения. Умудрялись даже Найду туда затаскивать, мы не были против того, что она спит с нами, кроме того, что она жутко храпела, но выгнать её спать к бабушке у нас не получалось. Найда вообще недолюбливала бабулю, она у нас была довольно избалованной собакой, в городе у неё был рацион как у царицы, а здесь бабушка кормила так, как привыкла кормить дворовых сородичей, при этом не особенно волновалась, ест Найда или нет, ну а с голоду начнёшь есть что угодно, и Найда стала выпрашивать у нас с Ленкой даже чёрный хлеб. Иногда мы сами её кормили, когда бабушка не видела, более приличной едой, нежели очистки с кашей и остатки мяса.

Уехать пришлось раньше. Обычно наводнения бывают весной, но в том году нас затопило летом. Хотя на самом деле нас-то не затопило, но связи с нами не было, и родители очень переживали. Когда вода стала активно прибывать, я почти не спала ночь, расставляла метки, отмечая, насколько вода подобралась к дому. Но до утра она так и не осилила и половину нашего участка, помимо прочего, проснулась бабушка:

– Ты что не спала?

– Я немного спала, переживала, ба, – я сонно потёрла глаза.

– Ничего ты отметок наставила, молодец какая! Иди давай, поспи нормально, всё равно я уже встала.

– Хорошо.

И я утопала спать. А через некоторое время, несмотря на то что был будний день, приехали родители на КАМАЗе. Не знаю, где папа его так быстро нашёл, но мы с сестрой обрадовались неожиданному приезду.

– А что у вас сухо-то так? – весело поинтересовался папа.

– Не знаю, вода прибыла, но даже до грядок не дошла, поляны затопило только, – отработовала я.

– Так, может, вас и не забирать?

– Нет, забираем, – быстро остановила его мама, – ты видел, что с дорогой? А если не уйдёт вода, мы как потом сюда добираться будем?

– Да ладно-ладно, – поднял руки папа.

Мы дружно отправились пить чай, потому как бежать смысла не было.

– Ну слушайте, вообще странно, вон мы по Раздолью ехали, так там русло прошло, дома у людей поносило. А здесь тишина.

– Правда? Прямо по деревне? – заинтересовались мы с сестрой.

– Ага, я вообще до вас по кабину в воде ехал. А тут мать ещё со своими историями, как у них наводнение было, кладбище смыло и гробы по улицам плавали.

Мы с Ленкой захихикали.

– Ну правда же было, – заулыбалась мама.

– Я тебя в следующий раз за руль посажу, – тоже засмеялся папа.

– У меня прав нет, – парировала мамуля.

– По дороге мужика вытащили, – продолжал папа, – интересно, ушёл или остался с калымагой своей? Я ему говорю: «Поехали, сейчас ещё поднимется вода, русло пройдёт как по деревне и похоронит тебя тут с твоей железякой, ты её не заведёшь». Не поехал.

– Ну если остался, то дурак, – закончила размышления на эту тему мама.

– Ну всё, допивайте, собирайтесь, домой поедem, пару недель там, а потом, если всё нормально, вернём вас.

– Мама, ты поедешь? – спросила мама у бабушки.

– Не, да не затопило, значит, и не затопит. Вы детей забирайте, а я если что, найду где укрыться.

– Как хочешь, – вздохнула мама, но спорить не стала, она знала, что это бесполезно.

– А где Найда? – неожиданно спросил папа.

Действительно, где? Мы долго ходили по участку, зазывая собаку, пока не обнаружили, что та забралась в машину и свернулась там калачиком, видимо, чтобы её не оставили с бабулей. Мы посмеялись, потом быстро покидали вещи, залезли в машину и поехали в город. Ждали, что нам тоже придётся с папой форсировать реку, но вода окончательно начала спадать, по крайней мере по дороге. Единственное, что мы увидели, это затопленные деревни уже ближе к городу и как грузовики МЧС добираются до них по воде. В конце недели папа предложил:

– Давайте, раз уж так получилось, на выходные к Байкалу съездим?

– Давай! – хором закричали мы с Ленкой.

– Что там все выходные делать? – запротестовала мама.

– Ну давай поедem туда, где есть что делать. К Ольхону, например?

– Туда давай, – согласилась мама, – я там тоже не была.

И вот мы вместе с родителями отправились к Ольхону, на сам остров решили не ехать, расположились на берегу напротив.

– Давайте разложим палатку и пойдём прогуляемся? – предложил нам папа.

– Давай, – быстро согласилась Лена.

– Я тоже пойду, – подтвердила я.

– Я здесь останусь, – сообщила мама, – кому-то же нужно присматривать за вещами.

– Да всё ценное в машине закрыто, – начал спорить папа, – а наша древняя палатка никому не нужна.

– Идите, – бескомпромиссно заявила мама, – я не хочу.

Папа пожал плечами, мы все вместе собрали палатку и с Найдой отправились осматривать окрестности. Но не прошли и пятисот метров, как собака исчезла.

– Я пойду посмотрю, – забеспокоилась Лена и направилась к тому спуску, по которому сбежала Найда. И тоже пропала.

– Что-то долго, да? – спросила я у папы.

– Ага, – согласился он.

– Я тоже пойду посмотрю.

– Давай, – папа явно переживал, но спуски здесь были достаточно крутыми, и ему не хотелось преодолевать такое препятствие.

Я побежала к спуску и ближе к воде увидела «чудное» зрелище: Найда плавала вокруг камня, на который её пыталась затащить Ленка.

– Она на камень не сможет, – остановила я эти бессмысленные попытки, развернулась и быстро полезла наверх.

– Я бы спустилась, но тут, наверное, глубоко, – оправдалась Лена.

– Не вздумай! И Найду не зови, я сейчас её вытащу! – крикнула я не оборачиваясь.

Поднялась наверх, пробежала вдоль берега до следующего спуска, там был песчаный выход, но я поняла, что не смогу туда быстро спуститься, потому побежала дальше. Следующий спуск был вполне приемлем, я практически проскользила вниз и начала звать Найду, в надежде что она доплывёт досюда и спокойно выйдет на берег. Так и вышло. Почти. Найда весело спускалась ко мне сверху, я так поняла, для неё предыдущий спуск к воде не показался сложным, и она вылезла раньше. Я потрепала собаку за ухом, и мы вместе забрались наверх, Ленка была уже рядом с папой.

– Ты бы так её не вытащила, у неё же лапы, а не руки, – спокойно сказала я Лене.

– Да я уже поняла, – согласилась она.

– Найда в воду прыгнула с разбега, балбесина, – начала я рассказывать, что произошло.

– Да Ленка уже рассказала, – прервал меня папа, – ну умнее будет, да, Найда?

Наша резвая собака завиляла хвостом, гавкнула, видимо, в знак подтверждения, и весело убежала вперёд. Мы тоже пошли дальше, мимо голых сопок, усыпанных мелкой растительностью, то тут то там встречались пирамидки из камней. Не думаю, что их в таком количестве выстроили шаманы, скорее толпы туристов. Сейчас их здесь не было, но, видимо, мы просто очень рано приехали. Встретили несколько полностью перевязанных верёвочками деревьев, когда мы были маленькими и проезжали такие места, нам тоже хотелось повязать ленты, но сейчас мне это казалось уже глупостью. Ну это же не моя вера, не мой обряд, зачем я буду это делать? Тревожить духов, вряд ли, конечно, они обращают внимание на всех, кто повязал кусок ткани, но кто же знает? Кроме того, сосны здесь и так были сильно искривлены ветрами, частично оголились корни, зачем им ещё такая нагрузка? Но, видимо, каждому, кто побывал в этом месте, хочется вернуться, и раз уж это местный обряд, то почему бы не попробовать? На самом Ольхоне для этих целей служат столбы, здесь же их нет, и люди используют это старый способ.

– Будете вязать что-нибудь? – поинтересовался папа.

– Нет, – сказала Лена, – я не верю.

– Нет, пап, и так уже перевязано.

– Ну так святое место. Был у нас на работе один бурят, так с ним пока до места доедешь, – сделал многозначительную паузу папа, – ему же нужно остановиться, повязать ленту, на варгане сыграть.

– Ну у них религия такая, – пожала я плечами.

– Ага, ещё бы расписание под религию подстраивали, – рассмеялся папа и двинулся дальше. Мы шли, пока не уткнулись в бесконечные лазурные воды Байкала, дальше можно было разве что плыть. Самое невероятное ощущение, которое даёт Ольхон и места, расположенные рядом, это невероятная тишина, вы слышите друг друга даже на большом расстоянии, понятно, что в туристический сезон нельзя постичь это чувство, но сейчас людей на побережье почему-то было не слишком много, может, недавно были ветра? Надо было бы спросить у папы, но мне не хотелось раскрывать рта. Там же, куда мы ушли, вообще не было никого. Лена с папой не сговариваясь сбавили тон, Лена спрашивала, «можно ли доехать досюда на машине», я не слушала, что ей отвечает папа – и так понятно, что нет, дороги-то не было. Я вообще не хотела никого слушать, это место как будто заряжало каждую клеточку статическим электричеством, нет, не расслабляло. Как стрелок натягивает тетиву на лук, это место цеплялось за струны моей нейронной системы, мне хотелось оторваться от земли, взлететь и надолго зависнуть над этим невероятно чистым водным зеркалом, спикировать в воду, выловить и проглотить какую-то местную рыбу, возможно жирного омуля, спуститься на скальный берег, мне хотелось жить. Найда залаяла на проплывающую где-то вдали лодку, и мне показалось, что грянул гром, её лай ножом разрезал пространство и зазвенел высочайшими нотами, отдаваясь о прибрежные скалы. Этот резонирующий звук вырвал меня с небес и оглушил, как рыбу динамитом, я не сразу пришла в себя.

– Найда! Зачем так лаять-то? – возмутилась наконец я.

Найда непонимающе уставилась на меня и завиляла хвостом. Папа с Леной, похоже, тоже не ожидали такого эффекта.

– Ого! Ничего здесь эхо! – восторженно пробормотала Лена.

– Эхо? Мне как будто колоколом по голове съездили, – заворчала я.

– Ладно, – улыбнулся папа, – пойдём назад, а то нас мама скоро потеряет.

И мы так же дружно вернулись в свой маленький лагерь.

Пока папа готовил обед, мы с Ленкой надели купальники и спустились к воде. Как только я вошла в воду, мои ноги онемели. Лена тоже остановилась.

– Вода, конечно, жёсть, – констатировала она.

– Ага, – согласилась я, – а говорят, на Ольхоне теплее, интересно, что же тогда на самом Байкале?

– Да уж, я не пойду, – решила сестра и вышла на берег.

А я не могла отказаться от возможности искупаться в этом пусть и чрезвычайно холодном, несмотря на прямое жгущее солнце, озере. Ну а как это сделать? Правильно, быстро и не задумываясь, я выдохнула и побежала вперёд, за глубину не боялась, папа сказал, что здесь до большой глубины топтать и топтать. Скоро погрузилась по пояс и села. К слову сказать, выбежала я из воды быстрее, чем вбежала. Ну а потом энергетика этого места поглотила меня, папа возмущался, почему мы не развлекаемся, а мне не хотелось. Меня охватывало желание лечь на эту землю и отпустить своё сознание, просто лежать и созерцать чистое голубое небо без единого облачка, что я и сделала. Каждая клеточка моего тела была благодарна, впитывая силу этого места. Солнце стало садиться, папа обеспокоенно подошёл к маме:

– Ты что так сидишь?

– Голова болит, – тихо призналась она.

– Таблетку выпей.

– Да выпила уже, не помогает.

– Что, совсем плохо? Давай, если так, домой вернёмся, ночевать не будем здесь?

– Давай, – согласилась мама. Мы спорить не стали, выглядела она действительно неважно. Собрали вещи и палатку и вернулись в город. Ещё через неделю мы опять уехали в деревню. Остаток лета прошёл безоблачно, если не считать пары крайне печальных событий, во-первых, нашу собаку украли. Мама оставила её у магазина, а когда вернулась, Найды уже не было. Когда родители сообщили эту новость, я долго не могла поверить и думала, что мама шутит, но, присмотревшись, поняла, что она говорит правду. Кроме этого, мама не смогла правильно ухаживать за мухоловкой, и моё растение заболело, откровенно говоря, даже когда мы приехали на две недели, я заметила, что мухоловка не особенно хорошо выглядит, но забирать с собой в деревню не стала. Жаль. Пришлось смириться с обеими утратами, хотя ещё долгое время я не могла отделаться от ощущения, что Найда где-то рядом, наверное, это была какая-то защитная реакция, в конце концов, она стала очень близка мне, да и всем нам в целом. Я даже пыталась уговорить себя поверить, что пройдёт некоторое время, и мы её найдём, но что-то внутри меня всё время знало, то так не будет.

На следующий год спарринги в моём клубе карате стали чуть серьёзнее, но меня всё ещё жалели, а я так и не начала атаковать. Мы занимались два дня в неделю, и один из них совпал с моими занятиями в художественной школе. Приходилось после живописи идти на тренировку, мне это не очень нравилось, это в том числе лишало меня общения с Сашкой. Раньше мы расходились с Сашей и Валецкой практически у моего дома, а теперь мне нужно было идти несколько в другом направлении. У Нади стало падать зрение, и она связала это с карате, хотя спарринги проходили в шлемах и в голову как раз нам-то, как новичкам, никто не бил, тем не менее на тренировки она ходить перестала. Вадим Викторович опять начал ставить меня с мальчишками, иногда по очереди с Катей, Олей или Наташей. В конце концов я стала пропускать занятия, может быть, я пережила бы этот период, но после одной из тренировок подошёл Вадим Викторович и спросил:

– Алеста, ты почему пропускаешь занятия?

– У меня среда совпала с художественной школой. Я хотела подойти к вам, можно я буду заниматься в понедельник как раньше и в четверг с другой группой?

– Можно.

– Спасибо.

Больше я не пришла. Я не могу сказать, что точкой стал этот разговор, просто Вадим Викторович вытащил меня из состояния, когда я вроде занималась, но занималась больше по инерции. Я наконец задала себе вопрос: «Нужно ли мне это?» и поняла, что нет. Я ждала какого-

то учения, философии, медитации, если хотите, а получила просто технику боя, да ко всему поняла, что бить-то я как раз и не умею. Не могу я ударить девушку, с которой полчаса назад болтала в раздевалке, а тем более мальчишку: может, он и проворнее меня, но он же ребёнок. Родители не стали протестовать, а перчатки с кимоно остались на напоминание и долго ещё висели в моём шкафу. Хотя что сказать, в том году я стала иногда прогуливать и занятия в художественной школе. Рисовать я тоже хотела не всегда, какие тут творческие порывы? Сказано три часа работать, работай. В отличие от общеобразовательной школы, здесь расслабиться не получалось. Помню одно из занятий по композиции, нам нужно было рисовать бюст. Я что-то изображала на бумаге, но когда подошла наша учительница, Инна Михайловна, она громко засмеялась:

– Это что? Где ты видишь такой нос? Ужас. Вообще не понимаю, не хочешь заниматься, не занимайся, Алеста. И родителей не понимаю, которые заставляют детей делать то, что они не хотят, – после этого она просто ушла к следующему.

Я не то чтобы расстроилась, скорее разозлилась, не знаю, на неё или на себя. Несмотря на то что всё было практически закончено, не стала исправлять. Я перевернула лист бумаги и сделала всё заново, в этот раз не пренебрегая способом измерения пропорций с помощью карандаша. Ничего сложного, главное держать руку вытянутой и отмечать засечку – от конца оборотной стороны карандаша до нужной детали. Таким образом нельзя узнать точный размер, но художнику он и не нужен, главное пропорции. Через некоторое время у меня всё было готово.

– Вот, другое дело, умеешь же, когда захочешь, – похвалила Инна Михайловна.

Я выдохнула. Запас времени у меня был всегда, потому как делала я всё быстрее, чем многие другие. Правда, на лепке это иногда сказывалось на качестве изделия, за что я получала четвёрки, хотя по внешнему виду изделия вопросов ко мне не было.

В том году мы ездили по «кругобайкалке» – это железная дорога, проходящая вдоль озера, и вопреки названию, никакого полного круга нет. Вот там я стала ощущать силу, только когда мы вышли посмотреть на недостроенный тоннель, а в остальном просто наслаждалась видами из окна. Не знаю почему, может, чувства притупились, а может, я была уж слишком увлечена общением со сверстниками. Почему-то самым ярким воспоминанием того путешествия осталось то, что у меня жутко разболелся зуб, и обезболивающее-то было, но вода почти закончилась, тоже не помню почему. Осталась буквально пара глотков, я попробовала найти проводника или сопровождающих нас учителей, но все: и я, и ребята, которые ехали со мной в купе, – прохлопали ушами, где находятся наши сопровождающие. Кто-то скажет: «Ну, парато глотков воды была», – да, только проглатывать таблетки я не умела. В конце концов я разжевала таблетку анальгина и запила тем, что было, это не смыло жуткую горечь. Зато я поняла, что после горечи приходит сладковатый привкус, да и зуб совсем перестал болеть достаточно быстро, и я уснула. По приезде, конечно, сходила к стоматологу, я этого врача не боюсь совсем, так что данный факт не являлся проблемой.

Я росла, менялся мир вокруг меня. Пока я соображала, менять ли штаны и свитер на короткие юбки, сестра уже общалась с парнями и выстраивала какие-то отношения. Вот так, младшая сестренка часто обходила меня в таких вопросах. К большому сожалению, в это время она наловила кучу каких-то комплексов и потеряла уверенность в себе, а вместе с ней свою силу. Я видела, что она стала светить совсем обычно, иногда нормально, иногда тускло, хорошо, не потемнела, рассуждала я, а остальное не моё дело. Мама решила, что со старшей дочерью нужно что-то делать, и мы вместе пошли в модельную студию. Это было неплохим решением, я выпрямилась, научилась ходить на каблуках. Перестала пытаться играть в лапту на шпильках и вообще стала девушкой. В этой студии я познакомилась со своей лучшей подругой Яной, с которой мы очень многое пережили, но она пришла туда позже, и об этом потом. После школы и по выходным мы с одноклассниками вместе гуляли по городу, мне очень нра-

вилось это занятие, но в десять часов, когда начиналось всё самое интересное, все дружно шли домой. Исключением были городские праздники, тогда можно было дожидаться салюта, но потом срочно домой! Во время этих мероприятий знакомились с парнями нашего возраста и чуть старше, но у меня как-то не получалось выстроить отношения. С внешностью проблем не было, в конце концов, меня же взяли в местном модельном агентстве, но ребята казались мне какими-то несерьёзными, что ли. Единственное, что меня всегда смущало в этих наших выходах, это круги, такое расстояние на шпильках одолеет не каждый. Один раз я даже не выдержала.

– Мы уже третий круг здесь проходим, может, уже хватит? – спросила я у Лены.

– Маше понравились те ребята, – пояснила она.

– Вы меня, конечно, простите, но, по-моему, они не обращают на нас никакого внимания. Хотите, я с ними познакомлюсь, и если вы им понравились, то познакомлю их с вами?

– В смысле познакомишься? – спросила Аня.

Мы обычно гуляли впятером: я, Лена, Маша, Наташа и Аня, и на мой взгляд, все были очень даже симпатичными, но это на мой взгляд.

– Просто подойду и познакомлюсь.

– Давай, а то я тоже устала, – согласилась Аня. И все дружно стали наблюдать за мной, рассчитывая, видимо, на то, что я развернусь на полдороги. Но я дошла до парней, они ничем не отличались от других ребят нашего возраста, смешные и пытающиеся даже друг перед другом глупо красоваться.

– Привет, – поздоровалась я, – с вами можно познакомиться?

Ребята немного обомлели, все трое оценили меня, слишком откровенно, на мой взгляд. Видимо, критериям я соответствовала, да я как-то и не сомневалась, самоуверенности мне тоже не занимать, особенно после уроков в модельной студии. Самый симпатичный из них отошёл от шока быстрее:

– Привет, конечно, Женя.

– Макс.

– Иван.

– Видите вон там девушек, – указала я направление, – вы им понравились, если хотите, могу познакомить.

Ребята посмотрели в сторону подруг, не только по свечению, но даже по лицам я поняла, что они уже думают, как мне отказать, мне, конечно же, хотелось ударить их чем-нибудь по голове. Тоже мне красавцы первоклассные, как я говорила ранее, я считаю, что симпатичными в нашей компании были все девочки.

– Думаю, не стоит, – помахав головой, ответил мне Женя.

Я сдержала сарказм и просто попрощалась:

– Хорошо, я поняла, пока, – после того как я отошла на пару шагов, ребята нервно рассмеялись. А я направилась к своим. – Они не хотят, и вообще они маленькие и глупые, пойдём уже где-нибудь посидим, а то у меня ноги отваливаются.

Девчонки наконец согласились, и мы отправились на лавку в парк рядом. Вот как-то так и проходили все крупные мероприятия, и именно эти бесконечные круги и встречи для того, чтобы просто поздороваться, меня сильно доставали. Девочки то встречались с парнями, то расходились, иногда начинали отношения с ребятами с параллельных классов, но я по причинам, отмеченным выше, как-то не включилась в этот процесс. Были и школьные дискотеки, я приходила на них потанцевать, уж не знаю по какой причине, но меня ни разу никто не пригласил на медленный танец. Разве что девочки помладше года на три, я даже не помню, как к нам пришла эта информация, обсуждали, что мы с подругами очень неприлично танцуем. Я не понимала, что такое «неприлично танцуем», мы же не голые это делаем, ну да я никогда не обращала внимания на слухи, как всегда говорила моя мама, «переживать нужно тогда,

когда тебя никто не обсуждает». Характер отношения ко мне открылся в тот день, когда мы с Ленкой ездили к её парню из параллельного класса, он почему-то жил достаточно далеко, нам пришлось добираться на автобусе. Куда именно, я не запомнила, потому что вела меня Ленка, точно так же не помню, зачем я поехала с ней, видимо, было очень скучно. Егора мы встретили рядом с каким-то зданием, Лена сказала, что он ходит туда в какую-то спортивную секцию.

– Привет, – махнул он нам рукой, – а вы что здесь делаете?

– В гости приехали, а что, нельзя? – возмутилась Лена.

– Да почему? Можно, не ожидал просто. Надолго?

– Неа, – сообщила подруга, – на час, может быть.

– Ну пойдём погуляем тогда, – предложил Егор и указал рукой направление.

Мы прошли по улице, потом в сторону реки.

– У вас тут особенно негде гулять? – спросила я.

– Вообще да, так и есть, я поэтому удивился, зачем вы сюда приехали.

– Интересно, да и делать было нечего.

– Понятно. Пойдём ещё в одно место свожу и на остановку вас провожу.

Мы ещё немного побродили по побережью Китоя. Егор показал нам, где вечером собирается местная молодежь, и мы направились на остановку. Там Егор достал пачку сигарет и закурил.

– Можно мне? – спросила Лена.

– Нет, – коротко ответил Егор.

– О, а ты знаешь, что Алеста курит?

– Да нет, не умеет она, а даже если курит, то не в затыг. Не верю.

Я протянула руку, Егор с неохотой выдал мне сигарету, я закурила, как он и просил, «в затыг». Не знаю, кому и что я хотела доказать, наверное, то, что я-то не такая идеальная, какой они все хотят меня видеть, но в глазах Егора прочла лишь глубочайшее разочарование. Он расстроился так, как будто ему только что рассказали, что Деда Мороза не существует, хотя ничего и не сказал. Сигарету я докурила, но больше так решила не делать, не люблю этот свой образ отличницы, но не готова, разбивая его, так ранить знакомых ребят, совсем неожиданная была реакция. Я же и правда не курила, не могла не попробовать, все вокруг пробовали, особенно в деревне. Проблем с освоением техники у меня не было, я даже первый раз не закашлялась, вопрос лишь самоконтроля. Вот только никогда не понимала зачем, это же неприятно и ощущения после этого тоже неприятные.

– Ну и ничего хорошего в этом не вижу, – наконец произнёс он.

Я пожалала плечами, подошла маршрутка, я забралась в неё первой, Лена попрощалась со своим парнем, а потом села ко мне.

– Что-то он слишком расстроился, – поделилась я своими переживаниями с подругой.

Она захихикала:

– Ничего-ничего, переживёт, а то надоел мне со своими нравоучениями. Тебя же мне в пример ставит, я ему говорю: «Да она такая же, как мы». Он мне: «Нет, не может быть».

– Ну вот, ты ещё и знала. Разбила парню веру в светлое будущее. Специально меня сюда привезла?

– Неа, так получилось, – честно призналась Ленка.

Она не врала, тем более я знала её характер и понимала, что это и правда вышло случайно.

Я училась жить, и, конечно, были ситуации, о которых я сильно жалею. И одно из сильных разочарований собой связано опять с Анной Николаевной, так уж ей не везло с нами. В классе вместе со мной учились в основном мальчишки, среди них выделялся Женя, учился он из рук вон плохо, но учителя старались вытянуть его хотя бы на тройки, а он не отказывался помочь

с переносом стульев, парт и так далее. Не знаю, как ему в голову пришла такая мысль, но перед кабинетом географии – Анна Николаевна открывала его перед самым уроком – Женя заявил:

– Кто первый войдёт в кабинет, тот жаба вислоухая.

Не знаю, откуда он брал эти выражения, но все дружно замерли у стены тихо хихикая. Подошла Анна Николаевна, открыла кабинет и вошла, никто не пошёл за ней. Через минуту она вышла:

– Можете заходить.

Все стоят. Анна Николаевна забеспокоилась и начала уговаривать:

– Саша, ну ты-то зайдешь? – Сашу вы уже знаете, мы вместе ходили в художественную школу, но и он стоял молча.

– Алеста? – она в надежде посмотрела на меня, но тогда мне это казалось забавной игрой, и я стояла. Женя захихикал, в конце концов Анна Николаевна не выдержала и выкрикнула:

– Я за директором пошла! – и ушла на лестницу. Мне кажется, до директора она не дошла, но это сработало. Ребята быстро закинули в кабинет самого маленького, Кольку, и забежали сами. За ними зашли и все остальные. Я видела, как весь урок переживала Анна Николаевна, не понимая, что происходит, и мне было жутко стыдно. На следующей неделе она открыла кабинет заранее, Женя решил повторить манёвр, я не понимала зачем, все же видели, как нервничает одна из наших любимых учительниц.

– Идите лесом! – ругнулась я и вошла. Женя попробовал уточнить запрос про «первый из парней», но это не сработало, и остальные тоже вошли. А мне было всё равно, мне и до этого было стыдно, а после повторения, думаю, я совсем бы сошла с ума от переживаний за Анну Николаевну. Никто мне ничего не сказал, и правильно, у кого бы они потом списывали?

В десятом классе нам предстояло сменить коллектив, не все стремились доучиться до одиннадцатого класса. Классов было всего два: обычный и физико-математический, выбор был очевиден. Хотя до этого нас водили на дни открытых дверей по техникумам и мне очень понравилось в одном из них, где ребята сами настроили выезжающие лавки, закрывающиеся с кнопки шторы, я тоже так хотела. Я даже почти решила, что пойду сюда, а не в десятый класс, Ольга Анатольевна была очень раздражена и, несмотря на то что я делилась этими мыслями с одноклассниками, вмешалась:

– И что ты будешь делать потом с этим образованием?! Билеты в трамвае выдавать?

– Ну мне понравилось, я не считаю, что тот, кто создаёт такие системы, потом кондуктором работает. Я же и после техникума могу на высшее поступить.

– Да кто тебя возьмёт? Там математика не для тебя, ты после этого образования экзамены в ВУЗ просто не сдашь. Они же ориентируются на тех, кто туда поступает, а такие, как ты, туда не идут.

– Ладно, Ольга Анатольевна, я подумаю.

– Подумает она, – буркнула моя учительница по математике, но ничего больше не сказала и молча довезла нас до школы.

Но она победила, я сразу отбросила мысль о поступлении в тот техникум, и Ольга Анатольевна стала нашим классным руководителем. Учитывая, что практически все, кто поступил в десятый из нашего класса, пошли в физмат, Зоя Эдуардовна тоже претендовала на то, чтобы стать нашей классной, но было бы странно, если бы в споре за физико-математический класс победила учительница по русскому и литературе. Зоя Эдуардовна обиделась и отказалась вести у нас свой предмет, учителя русского языка и литературы нам уже с прошлого года дали нового, и это было прекрасно. Антонина Фёдоровна снова ставила мне пятёрки за красивое прочтение стихов без анализа. Если стихи были не больше двух страниц, я учила их за перемену перед уроком, наша бывшая классная руководительница знала об этой моей способности, потому что давно уже давала дополнительные задания. Математику (алгебру, геометрию – всё равно) я делала на уроке, пока другие выполняли самостоятельные задания, нас таких было

трое, потому Ольга Анатольевна сильно не препятствовала и не старалась завалить нас дополнительными примерами, тем более что место под пятерки в журнале было ограничено количеством клеток. Это всё сильно освобождало моё время. Только в десятом классе я осознала, что обладаю склонностью к изучению иностранных языков. Дело в том, что учителей по данному предмету в нашем классе сменилось множество – ну не везло, и все начинали практически сначала. А в десятом нам поставили Елену Александровну, она преподавала английский у моей сестры. Тогда я жалела, что мы не попали к ней сразу, быть может, я свободнее владела бы английским. Елена Александровна не уделяла огромного времени грамматике, она общалась с нами, и я как-то незаметно для себя стала поддерживать разговор, именно она сказала, что я смогу освоить любой язык, если захочу, потому что не боюсь разговаривать.

В том же году я с отличием закончила художественную школу, сама своему красному диплому до сих пор удивляюсь. На самом деле спасибо маме, если бы не она, то я бы бросила курсе на третьем, а так прошла до конца. В качестве выпускной работы выбрала гобелен, которым заработала пятерку, ну а по истории искусств мне достался один из необычных художников, нарисовавший произведение, которое до сих пор терзает умы людей своими четырьмя правильными углами. Ну как достался, я выбрала сама, пока писала о нём, сильно пожалела. Мне пришлось облазить кучу сайтов, а чтоб вы понимали, каждый из них грузился минут по пять тогда. Кроме того, я обошла все библиотеки в городе, чтобы насобирать нужное количество информации. И даже это мне не совсем помогло, потому как одни источники утверждали, что он закончил одно училище, другие обозначали два, а в третьих источниках было написано, что он вообще нигде не учился! В один момент я даже стала ругаться о том, что, видимо, нужно у него самого спросить, но быстро одумалась, потому как вдруг и правда явится, мне, конечно, никогда не являлись давно умершие, но кто же его знает? И проговорила про себя: «Не надо, я сама как-нибудь». К тому времени я повзрослела, насмотрелась разных фильмов и стала побаиваться этой своей способности. Хорошо, что хотя бы с описанием работ и направлений, в которых работал художник, проблем не было. Мне нравились его работы, они чем-то цепляли, вот только не та, о которой знают все, не квадрат, другие его работы. Мне безумно нравился его кубофутуризм, и я не могла для себя объяснить, почему он ушёл совсем в простые геометрические формы, разве что это был какой-то протест, ну или, как пишут некоторые эксперты, попытка создать новую религию, с его-то характером. Не знаю, как я почувствовала этот его характер, не спрашивайте, может, с описаний скандалов, может, с самих картин, но абсолютно точно после своей работы я стала относиться к этому мастеру иначе, глубже, что ли. Но сложности, с которыми я столкнулась в момент сбора информации, окупились на экзамене, никто не знал, о чём меня спросить, после того как я через дверь слышала, как закидывают вопросами мою однокурсницу по передвижникам, вопрос: «Как вы думаете, почему он написал свою самую известную работу?» – казался невероятно простым. У меня тогда сложилось своё мнение на этот счёт, но я не стала озвучивать его, я просто повторила несколько мнений экспертов из всемирной паутины, получила «отлично» и вышла из кабинета. Приближался одиннадцатый класс, а я ещё так и не решила, кем хочу стать. Мне нравилась техника, я давно научилась разбирать и собирать свой персональный компьютер, возможно, если бы кружок радиоэлектроники располагался не на другом конце города, я бы была ближе к пониманию, куда идти, но нет. Поступать в художественное я не хотела точно так же, как и поступать на актрису, ну это же я, я была слишком рациональна для таких порывов. Примерно по той же причине я не собиралась учиться на писателя, мне всегда казалось, что если у тебя есть такие способности, то они сами достанут тебя. Возможно, если так сложится, то я найду время окончить колледж, например, или курсы, но высшее должно быть связано со знаниями, а не с творчеством, я так считала. Хотя журналистику я всё же рассматривала как один из возможных вариантов. Программирование могло бы стать моим будущим, но опять же я здраво расценивала свои возможности, для того чтобы поступить на бюджет, наверное, нужно было бы знать больше, чем

базовый язык, который нам давали в школе, хотя составлять алгоритмы я любила, платное же высшее по этой специальности было слишком дорого. Вот с какими мыслями я отправилась отдыхать к бабе Вале.

Глава 2. Знакомство с силой

Наступило лето, и мы уехали в деревню. А про этот год не рассказать вам я просто не могу. Это было самое захватывающее лето в моей жизни. Мы приехали с сестрой вместе и быстро усаkali к подругам. Много говорили о жизни, смеялись. Вечером пошли гулять, пока родители здесь и мама остановит бабулю в попытках загнать нас домой пораньше. Мы-то знали, что сдвигать границы нужно сейчас, после бабушка решит, что не она мать, вот пусть сама теперь и разбирается, и перестанет нас контролировать. К тому времени электричество в поселке исчезло безвозвратно, а кроме этого, в данном уголке планеты и сотовая связь не ловила от слова «совсем». Потому никакого толку от электроприборов, в том числе мобильных, ныне смартфонов, не было. Разве что плеер на батарейках представлял из себя весьма полезную штуку. В клубе ещё проводили сельские дискотеки, но под ответственность ребят. Библиотека закрылась, Анастасия Геннадьевна куда-то пропала, и наш досуг оказался полностью нашей задачей. А потом кто-то унес какую-то запчасть от клубной электростанции, и дискотеки тоже закончились. Хотя местная молодежь собиралась у клуба, уже просто по привычке, иногда кто-то подключал магнитофон к аккумулятору мотоцикла, а потом заводил его «с толкача».

Девушки и парни встречались, я понимала, что мне тоже вроде нужно выбрать пару, но большого интереса к сему процессу я не испытывала. Мне больше нравилось наблюдать за всеми этими взаимоотношениями. Кроме того, подруги знакомились с другими плохими привычками. Девчонки замечали мои странности и стремление к правильному поведению и не всегда брали с собой, я не обижалась, их отношение ко мне не изменилось, просто нарушать правила ради нарушения правил не любила, а они не хотели объяснять мне, зачем мы это делаем. В конце концов я выбрала обычного деревенского парня – Пашку. Не могу сказать, что испытывала сумасшедшие эмоции и чувства, вообще не была уверена, что способна на подобные всплески. Он тоже не испытывал ко мне глубоких чувств, я это видела, мы вообще были очень разными. Зато я была красивой и знала это, и он знал, и всех всё устраивало. Мы целовались и гуляли за руку, мы даже практически не говорили, он ни разу ничего не спросил, а я так быстро погружалась в свои мысли, что не замечала этого молчания. Он как бы был у меня, а вроде и не был. Когда тебя обнимает и целует сильный парень, это, безусловно, вызывает какие-то мурашки по коже, а если он ещё не задаёт никаких вопросов и не требует продолжения, так это совсем прекрасное стечение обстоятельств. Мы были подростками, потому пробовали то, что было запрещено. И курить я пробовала, фактически ни разу не закашлялась. Мне показали, я повторила, ну да об этом уже было. Правда, к тому времени, когда я начала активно пользоваться этим способом демонстрации протеста или принадлежности к группе, остальные уже понимали, что приобрели не самую лучшую привычку. Потому подруги не делились со мной сигаретами. Правда, в один из вечеров произошёл совсем неожиданный для меня поворот.

– И мне, – попросила я сигарету вслед за девочками.

– Нет, тебе не надо, – запротестовала Катя, получив свою от ребят.

В этот момент Пашка достал пачку и протянул мне, я взяла одну и закурила.

– Что ты делаешь? – возмутилась подруга.

– Да она всё равно не будет курить, – спокойным тоном дал заключение Паша и убрал пачку.

Я немного зависла, докурила до половины, а затем затушила, потому что никакого удовольствия мне этот процесс и впрямь не доставлял. Я вообще не верю, что хоть кому-то доставляет удовольствие курение, пока не приобретена привычка. Ну да, Пашка был прав, курить я как начала, так и бросила. Вот как-то так протекало моё лето, и, может, ничего нового

и необычного так и не произошло бы, если бы в один чудный день мы вчетвером: я, Ленка, Катя и Света – по дороге к реке не разговорились про гадания и заговоры.

– А вы были у бабы Дуни? – спросила Катя.

– У какой бабы Дуни, Кать? Ни разу не слышала, – с интересом спросила Ленка, а я напрялась.

– Ну той, что живет на краю деревни. Мы с Машей заходили к ней, когда ездили сдавать металлолом. Вообще никаких попутков не было, и мы зашли к ней в гости. Машка повела, она уже была у неё. Чай попили, она нам на суженых погадала. А потом представляете, – тут Катя заговорила загадочным шепотом, – ворона подлетела к окну и каркнула, а она и говорит: «Вон, девочки, ворона говорит, ваша машина едет, собирайтесь». Мы вышли, тут же пошел лесовоз, парни помогли ещё и загрузить и разгрузить нам металл.

Мы помолчали. Действительно интересная эта баба Дуня. А я уже, кажется, предполагала, чем закончится этот разговор и искала отговорки. Ну если баба Дуня окажется обычной женщиной, то меня это не расстроит. А если нет? Она может рассказать им о моих особенностях. Я не хочу, не хочу, чтобы на меня смотрели как на экзотическое животное.

– Пойдем сегодня после обеда? Только надо к чаю что-то взять, – задала Катька вопрос, которого я так боялась.

– Не знаю. А она нас не выгонит? – спросила Света.

– Ну да. Пришли такие без предупреждения. Здрасьте, мы к вам чай попить, – я ухватилась за возможность избежать такой встречи.

– Да нет. Она всем рада, если кто-нибудь лечиться не пришел к ней, то примет, – закончила Катя.

– Ну пойдем, – отрезала Лена все пути отступления.

Что я могла? «Я не пойду, я не хочу». Почему? Струсилась? Ну не пойду я сейчас с ними, что я от этого выиграю? Девчонки ещё минимум неделю будут мне об этом напоминать и рассказывать небылицы, чтобы я обзавидовалась. Ай ладно, будь что будет.

На речке мы встретили парней, они собирались куда-то в лес проверять свои охотничьи постройки. Обедать пошли к нам, откопали макароны, яйца. Если вы думаете, что бабуля варила нам борщи, то сильно заблуждаетесь. Только не баба Валя. Она с утра делала нам что-нибудь перекусить, да и то не всегда, а потом уходила работать в огород. И никакими палками загнать её домой было невозможно.

– Баб, там обед на плите, – крикнула я, выходя из дома.

– Хорошо, Алечка, – услышала в ответ.

Ага, конечно, пошла и поела она. Ладно, кто людей в таком возрасте учит. Выжила же как-то до сих пор. Мы захватили свои карманные деньги, взяли в местном магазине зефир и какое-то печенье и направились к бабе Дуне.

– Баба Дуня! Можно к вам? – Постучалась в дверь Катька.

– Ой девочки, конечно, можно, заходите, чай уже закипел, – услышали мы в ответ и прокрались в просторную избу. Я видела, что остальные тоже немного нервничают. Ну не каждый же день в гости к ведьме ходят.

– Да заходите, не стесняйтесь, – с улыбкой произнесла милая бабуля, – ну давайте, напоминайте мне, как кого зовут.

Сказать, что я обомлела, это не сказать ничего. Да я никогда в жизни не видела такого свечения! Она заполняла своим светом всю достаточно большую комнату. Мне казалось, что если убрать стены, то свет заполнит весь поселок, а может, уйдет и за его пределы. Я поморщилась, баба Дуня заметила это, подмигнула мне, и свечение несколько уменьшилось. Мы сели за стол, удивительно, что количество стульев точно совпало с количеством гостей.

– Я Катя, баб Дунь, мы к вам с Машей приходили.

– Света.

– Лена.

– Алеста, – сипло выдавила я. Ну хоть что-то смогла сказать.

– Очень приятно, девочки, Евдокия, можете звать меня бабой Дуней. Зачем пришли? На суженых погадать или про будущее своё разузнать? Вы чай наливайте, заварился уже.

– Ой, а можно мне про будущее, на суженого вы мне уже гадали, – бодро протараторила Катька, по-хозяйски разливая чай по чашкам.

– А мне на суженого, – хором сказали Лена со Светой.

– И мне про будущее, – оправилась я от первого впечатления. Ну а зачем мне про суженого? С этим сама как-нибудь разберусь.

Баба Дуня стала гадать: то по руке, то на картах, то камни бросит. Само гадание меня увлекало не слишком, я затаив дыхание наблюдала за переливами света в доме. Ой, если бы девочки могли видеть всё происходящее! Свет разбежался на радугу, потом снова собирался в яркое белое свечение, красивые разноцветные отблески бегали по дому. Они были похожи на искру, как давно я её уже не видела... Они прыгали по столу, залезали в сахарницу, донимали пушистого кота, спящего на шкафу в углу комнаты. Я даже не заметила, как подошла моя очередь.

– Ну что, Алеста, сдвигай колоду, – и ведьма протянула мне руку с картами.

Я несколько секунд собирала своё внимание, но колоду наконец сдвинула.

– Ох и интересная судьба ждёт тебя, девочка. Далеко уедешь, сама ещё не знаешь, какой сложный и красивый город ждёт тебя, – баба Дуня посмотрела мне в глаза.

В этот момент всё вокруг как будто замерло, девочки перестали двигаться, свет остановился, только искры всё ещё донимали кота, но по комнате уже не носились. Как будто их тоже заинтересовало происходящее. «Ночью приходи, Алеста, коли не боишься меня», – беззвучно произнесла баба Дуня не отводя взгляда. Я замерла, а всё вокруг опять задвигалось и забегало.

– Ой, а что за город, баб Дунь? – заинтересовалась Катька.

– А об этом ей пока знать рано, время не пришло, – отрезала баба Дуня. – Ну что, девочки, пора собираться? А то на танцы не успеете, сегодня вроде станцию в клубе починили.

– Ой, правда? – обрадовалась Светка. – Пойдем скорее, а то не успеем!

Мы собрались, поблагодарили бабушку и удалились по домам наряжаться. Ленка не могла определиться, платье или джинсы, а я не могла собираться совсем. Идти? Или не идти? Вот в чем вопрос-то. Я чувствовала, что хочу, хочу задать много вопросов: про искру, про свет, возможно, даже про мое предназначение в жизни. Она знает, она всё знает...

– Не зависай! Ты вообще собираешься? Вот, на тебе блузку с джинсами, девочки тоже, наверное, в штанах будут, – Ленка кинула в меня одежду, чем вывела меня из транса.

Я похлопала глазами и стала одеваться. Ну ладно, пойдем потанцуем, потом решу, что делать. Танцевать я любила, сколько себя помню, музыкальный канал дома не выключался, я повторяла движения из клипов. Сначала получалось не очень, но потом всё лучше и лучше. Теперь я могла танцевать под любую музыку, и мне было не важно, смотрит на меня кто-то или нет. Я растворялась в музыке. Ну а сельская дискотека, она и есть сельская дискотека. Мы все друг друга знали, потому стесняться не было никакого смысла. Ну и если вы считаете, что музыка играла до зари, то нет. Электростанция работает на солярке, и хватило её часов до двенадцати, потом клуб закрыли. Кто-то остался на крыльце, кто-то пошел гулять. А я потихоньку сбежала, потому что моё любопытство сказало, что я не прощу себе, если не пойду в гости к бабе Дуне. Ну ведьма-то ведьма, только человек с таким свечением не сделает мне ничего плохого. Я была уверена в этом. Добралась до избышки, поскреблась в дверь.

– Заходи, заходи. Не стесняйся, – сказала ведьма, – я давно тебя жду.

Я вошла. Ночью это место выглядело ещё загадочнее. Появились какие-то тени.

– У вас тут многолюдно, баб Дунь.

– Не совсем правильное слово, детка, но да, на скуку не жалуюсь, – улыбнулась бабушка, – присаживайся, Алеста. Рассказывай, как ты дошла до жизни такой.

Я села.

– Жизнь как жизнь, ничего особенного.

– Да я вижу, скрываешься, это правильно. Вообще, дорогая, ты ведешь себя крайне разумно. Обычно к твоему возрасту сила или раскрывается, и ты начинаешь пугать людей, или увядает, потому что ты сама начинаешь её побаиваться. А ты черпаешь потихоньку, дальше не пробуешь, но и от того, что есть, не отказываешься. Молодец.

– Так откуда я знаю, что там дальше-то, вдруг оно меня съест? – посмеялась я.

Баба Дуня опять улыбнулась:

– Ко мне всё же пришла, зачем?

– Любопытство не порок. У меня столько вопросов, а вы наверняка знаете ответы.

– Не всё, но знаю. Задавай свои вопросы.

– Что такое свет, баб Дунь? Почему мы светимся по-разному?

– Люди называют это аурой, детка, кто-то душой, хотя, на мой взгляд, это не совсем верно. Она меняется от настроения, состояния здоровья, мыслей в голове. Все рождаются чистыми, однако жизнь у нас разная, и злые пробуют забрать нас на свою сторону, проще забрать тех, чьи родители уже туда перешли. Или тех, у кого нет родителей, вот им приходится несладко, с самого детства они соблазняют их, атакуют, если нет защиты. Ты видишь свечение, Алеста, не так ли?

– Да, вижу, то есть я могу видеть, что чувствует человек в данный момент?

– Можешь, ты уже научилась отделять некоторые яркие эмоции. Это то, что происходит сиюминутно, эмоции текучи и не сильно изменяют постоянный цвет ауры.

– А вы можете научить меня точнее определять их?

– Ну что же, могу. Ты не будешь видеть моего лица, не бойся, я специально сделаю так, для того чтобы ты могла читать по свечению. Потом сама поймешь, как лицо повторяет ауру человека.

И лицо её действительно пропало, у меня было ощущение, что я разговариваю с тряпичной куклой, я видела про таких передачу, почему-то раньше лицо у игрушки считалось необязательным. Выглядело это всё, конечно, жутко, не хватало куклы, выскакивающей из-за стола с ножом, но я справилась со своими эмоциями. Свет вокруг поменялся, я помню, такое свечение было у мамы, когда она узнала про Ленку.

– Радость?

– Великая радость, Алеста. Так мама ждет ребенка, радуется его первым шагам.

Потом свечение поменялось, это было интересно, очень необычно. Я поняла, что лучше определяю положительные эмоции. Тёмным эмоциям я не всегда находила название. Баба Дуня поясняла, она говорила, что определять тёмные эмоции нужно. Что без этого я не смогу почувствовать, насколько велика опасность. Я учила, это было увлекательно, и время просто пролетело.

– А болезни по ауре тоже определять можно?

– Можно, только тебе зачем, ты же лечить не умеешь?

– Не знаю. Просто интересно.

– Любопытной Варваре – сама знаешь. Ну всё, дорогая, давай прощаться. А то Пашка устал тебя ждать и пошел искать, – баба Дуня хитро прищурилась.

Я вздохнула, вот честное слово, я бы лучше здесь просидела, бабуля всё равно спать легла и до утра меня не хватит. Мы с Ленкой ушли ночевать на чердак, ну лето же, и теперь контроль за нами совсем пропал. Только это будет действительно нечестно.

– Сколько сейчас, часа три? Где он, баб Дунь?

– Около того, иди к дому по правому берегу, там и встретишь.

– Спасибо вам, можно я ещё приду?

– Конечно, Алеста, приходи как сможешь, не спрашивай, я буду знать о твоём приходе. Ещё увидимся.

– До свидания.

Я закрыла дверь и пошла, как бабушка велела, и действительно через пару домов встретила Пашку.

– А я тебя ищу, пойдём?

– Пойдем, – подтвердила я.

В этом весь Пашка, я тут оправданий вагон и телегу выдумала, пока шла, а ему и не надо ничего знать. Ладно, оно и к лучшему, врать не придется. Мы пошли к ребятам, это была Пашкина компания, парни вообще любят объединяться в группы. Пара девчонок постоянно гуляла с ними, а мы как-то мигрировали ночью от одних к другим, смотря где веселее. Вот и сегодня Катя, Света и Лена были в другом месте, видимо, там было интереснее. Пашке приходилось меня регулярно разыскивать, может, поэтому и вопросов не было. Сидели у костра, пели песни под гитару, в деревне посреди тайги не слишком много развлечений. Я любила петь, хотя не могу похвастаться сильным голосом и точным попаданием в ноты, но у костра этого и не нужно. Часов в пять я стала зевать, и Пашка проводил меня до дома. Ленка уже была там. Я не боялась, что не выплусь. Огород у нас, конечно, был, но хозяйства не было. Баба Валя как-то пробовала заводить мелкую живность на лето, потом перестала, да и мама сказала, что возни с ними много, а с продуктами проблем уже нет. К тому году тяжелые времена для нашей страны заканчивались, начали платить зарплаты, потому то, что мы раньше выращивали, можно было купить и на рынке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.